

Хэммонд Иннес
Конкистадоры. История испанских
завоеваний XV–XVI веков

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126143

*Конкистадоры: История испанских завоеваний XV– XVI веков / Пер. с англ. Н.И. Лисовой.:
Центрполиграф; Москва; 2002
ISBN 5-227-01811-1*

Аннотация

Подробное и яркое историческое исследование, повествующее об истории испанских завоеваний в Центральной и Южной Америке, о жизни и деятельности предводителей испанских конкистадоров Эрнана Кортеса и Франсиско Писарро, о тайнах древней культуры инков и ацтеков – коренных жителей Центральной и Южной Америки.

Содержание

Предисловие автора	4
Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Часть вторая	29
Глава 1	29
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Хэммонд Иннес

Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков

Предисловие автора

Эпоха Великих географических открытий всегда обладала для меня большой притягательной силой, однако предложение написать книгу по истории – серьезный вызов для любого романиста. Я колебался, принять это предложение или нет. Наконец, три фактора определили мое решение: во-первых, я по натуре рассказчик, а деяния Кортеса в Мексике и Писарро в Перу принадлежат к наиболее впечатляющим за всю историю человечества; во-вторых, все мои романы основаны на реалиях тех стран, в которых разворачивается действие, а потому уважение к истине для меня – глубоко вжившаяся профессиональная привычка; наконец, климатические и ландшафтные особенности страны всегда казались мне ключевым фактором для формирования характера ее народа и истории.

Тем не менее три года изучения документов эпохи и значительно более объемных позднейших описаний оставили меня далеко не удовлетворенным. Многие документы носили явную политическую окраску и ставили вопросы, ответы на которые можно было найти только там, где в свое время прошли Кортес и Писарро. В результате предпринятых мною путешествий я пришел к пониманию того, насколько местный ландшафт влиял на события и даже подчинял их себе. Но не только ландшафт, а также и море – при этом, надеюсь, мне, как человеку, проводшему в плаваниях немало времени, удалось помочь читателю лучше понять, что значит первым открывать и исследовать берега неизвестных земель.

Я выражаю благодарность доктору Джону Стриту, директору Центра латиноамериканских исследований Кембриджского университета, который прочел данную работу и дал советы по основной ее части; доктору Дж. Бушнеллу, читающему лекции по археологии Нового Света в том же университете, за советы по главам, имеющим отношение к цивилизациям ацтеков¹ и инков. Я благодарен также всем, кто, по должности или неофициально, помогал мне в моих путешествиях и исследованиях в Испании, Мексике и Перу – в особенности сэру Роберту Маретту за информацию о Семпоале, капитану Б. Хокансену за возможность свободно использовать его карты и тридцатилетний опыт плавания у латиноамериканских берегов от Панамы² до Кальяо, доктору Дж. Дж. Уилсону за детальную информацию о топографии Анд выше Кахамарки и сеньоре Элехальде за возможность ознакомиться со всеми частными коллекциями Лимы.

Мне бы также хотелось поблагодарить моего друга Джона Хэдфилда за то, что он инициировал этот проект, и Джорджа Спейта, который не только редактировал эту книгу, но и внес в нее огромный вклад в отношении карт и рисунков, многие из которых прежде не публиковались. И наконец, я благодарен, как всегда, моей жене Дороти за ее помощь в работе с текстом, а также за работу по составлению списков наиболее интересных экспонатов в музеях и частных коллекциях, и моему секретарю Норе Андерсон за ее работу с черновиками.

¹ Все индейские имена и названия приводятся в таком виде, как их произносили, по мнению специалистов, в XVI веке (см. Примечания автора в конце книги); их современное произношение в некоторых случаях отличается. Из этого правила сделано два исключения: сохранено общепринятое название города Мехико (вместо Мешико) и народа ацтеков (вместо астеков). (Примеч. перев.)

² Имеется в виду город Панама, столица Панамы. (Примеч. ред.)

Х. II.

Часть первая Фердинанд и Изабелла

Фердинанд и Изабелла вступают в Гранаду после победы над маврами. Барельеф, XVI в.

Глава 1

Крестовый поход продолжительностью в восемьсот лет

Как и большинство человеческих феноменов, конкистадоры³ были продуктом исторического развития. Это испанские авантюристы, исследовавшие и завоевавшие в начале XVI века новые миры во славу Бога и ради собственной выгоды. Они имели за плечами столетия постоянных сражений за освобождение родного Иберийского полуострова от вторжения мавров. Это были закаленные войной люди, крестоносцы, которые, заставляя мавров отступать, основывали королевства и княжества по мере своего продвижения. В 1492 году был взят последний оплот мавров. В начале XVI века формируется новая испанская нация. Восьмисотлетний крестовый поход закончился, и испанское рыцарство, рожденное для седла и меча и вдохновляемое яростным религиозным пылом, внезапно оказалось не у дел. Некоторый выход их энергии дали итальянские войны, однако географическое положение Испании неумолимо указывало на запад, по направлению к Новому Свету, недавно открытому Колумбом.

Люди, завершившие свою последнюю битву с маврами, превратились в рыцарей удачи – иначе говоря, пиратов – и последовали за морскими бродягами через море. Они искали новых неверных и оставили за собой столь впечатляющий след жестокости и героизма, что ему не найдется равных в истории европейских народов. Они пылали жаждой золота и вместе с тем были движимы подлинным религиозным порывом.

Странная смесь мотиваций, фантастическая стойкость этих людей, их способность прокладывать себе путь вероломством и силой сквозь армии, в сотни раз превосходящие их численно, не поддаются воображению и требуют основательных объяснений.

Как это бывает в истории, важную роль сыграли географическое положение и природа страны. Иберийский полуостров – *ultima thule*⁴ Западной Европы. Часть его береговой линии идет вдоль Средиземного моря, часть – вдоль Атлантического океана. Южная оконечность полуострова смотрит прямо на Африку, отделенную от него десятью милями Гибралтарского пролива. Именно через этот пролив четыре тысячи пятьсот лет назад сюда пришли первые завоеватели. Но они не были последними. Поскольку Испания располагается на периферии средиземноморского культурного пространства, а ее реки и богатые долины разделены между собой горами, влияние сначала финикийских, а затем греческих торговцев было ограничено южным и восточным побережьем, так же как и влияние Карфагена, начавшееся около 450 года до н. э. и продолжавшееся три столетия. Более важным в этот период оказался приход из-за Пиренеев кельтов, смешавшихся с народами Центрального плоскогорья, что дало в результате народ кельтиберов. Карфагеняне никогда не имели сильной власти в стране, так что римляне, с помощью политики примирения, постепенно вытеснили их. Поначалу это проникновение было обусловлено необходимостью защиты итальянского отечества от вторжений двух великих карфагенских генералов – Гамилькара и Ганнибала. Однако к 197 году до н. э. римляне настолько закрепились на полуострове, что территории, ранее оккупированные Карфагеном, определились уже как две римские провинции – *Hispania Ulterior* и *Hispania Citerior*⁵. Политика примирения сменилась теперь более определенным курсом, и за последние два столетия до нашей эры римские легионы уверенно завоевали весь полуост-

³ Конкистадоры (*исп.*) – завоеватели. (*Примеч. ред.*)

⁴ Крайний предел (*лат.*). (*Примеч. перев.*)

⁵ Испания Дальняя и Испания Ближняя.

ров. Кельтиберы, сосредоточенные в долинах Дуэро и Тахо, не были покорены Карфагеном. Как все кельты, они были храбры и свободолюбивы. Полстолетия они сдерживали напор римлян, но в 133 году до н. э. потерпели поражение от Сципиона и после этого входили существенной частью в римские наемные войска.

Почти пять столетий страна жила в мире, и таким образом, влияние Рима на развитие испанской культуры трудно переоценить. Население приняло христианство, люди жили по римским законам, а благодаря местным природным условиям и римскому обычаю держать в провинциях гарнизоны резко возросло значение городов в ущерб племенному укладу жизни. Но в начале V века н. э. Испания вместе со всей Европой пострадала от вакуума власти, вызванного закатом Рима. Из Европы хлынули вандалы, аланы и свевы, за которыми еще через пятьдесят лет последовали вестготы. Завоеванные романо-испанцы остались католиками и продолжали жить по своим римским законам, тогда как завоеватели, которые были христианами арианского⁶ толка и чья социальная структура основывалась на германских обычаях, образовали тевтонскую элиту под началом собственных выборных королей. Однако к началу VII века, с обращением короля в католицизм и согласием на это значительной части арианского духовенства, расовая сегрегация двух народов перестала быть эффективной. Латынь стала официальным языком, католические епископы начали играть ведущую роль в политике, и около 654 года была установлена единая законодательная система. Отчасти римский, но в основе своей германский, формировавшийся кодекс законов (*Forum Judicum*) стал могучей силой, пережившей королевство вестготов на много столетий и давшей основу для местных кодексов, или фуэрос, средневековых испанских городов. Более того, в результате унификации закона и религии пали барьеры между завоевателями и завоеванными. Смешанные браки, запрещенные римскими, но не вестготскими обычаями, теперь привели к смешению рас, и Иберийский полуостров сделался единым – во главе с королем, по-прежнему остававшимся выборным и не передававшим своей власти по наследству. Несмотря на то что верховенство вестготов было недолгим, они оказали необычайно сильное влияние на испанский народ и обычаи. Именно это влияние сделало средневековую Испанию совершенно непохожей на остальную Европу того времени.

Третьим фактором, оказавшим решающее влияние на испанский менталитет, оказались нахлынувшие в 711 году из-за Гибралтарского пролива исламские орды. За семь лет мавры – в основном североафриканские берберы, но также арабы и сирийцы – завоевали почти все испанское королевство вестготов и убили короля Родерика. Затем они хлынули через Пиренеи на земли франков. Только северное и северо-западное Атлантическое побережье, защищенное своими горными бастиями, осталось независимым, чтобы позже стать ядром новых христианских королевств.

Существенная слабость новоявленного мусульманского государства заключалась в следующем: Испания управлялась как провинция. Она подчинялась, скорее номинально, сначала далекому Дамаску, затем Северной Африке. Из этого неизбежно вытекало, что, стало ослабеть центральной власти, страна тут же распадалась на более мелкие провинции. Кордова, Севилья, Гранада, Валенсия, Толедо, Бадахос, Сарагоса – все они в то или иное время были отдельными государствами. Границами служили горы, долины, реки или береговая линия. Тем не менее, несмотря на слабости системы власти, мусульмане оставались в Испании на протяжении почти восьми столетий.

Основой владычества мавров служили арабская кавалерия и религиозный фанатизм. Это были завоеватели, несущие слово Пророка на острие ятагана, а их быстрые арабские скакуны являлись средством вонзить ятаган в цель. Поначалу христиан не вынуждали менять свою религию или свои законы. Кроме того, мусульманское вторжение принесло в Испа-

⁶ См. арианство. (Примеч. ред.)

нию культуру и знания более древней цивилизации Восточного Средиземноморья. Развитие ирригации сделало засушливые земли пригодными для сельского хозяйства. Поощрялось образование; росла грамотность городского населения; процветали музыка, поэзия, искусства и науки, в особенности математика.

Но войны продолжались. Свободные христиане из своих горных твердынь спускались в долины в поисках лучшей жизни. Они ненавидели неверных, захвативших лучшие земли страны, и разжигали в себе религиозный пыл не менее яростный, чем тот, что привел в Испанию мавров. Другие европейские страны могли снаряжать дальние крестовые походы ради освобождения Святой Земли от сарацин; испанцы же, отрезанные от остальной Европы грозным барьером Пиренеев, всегда стояли перед лицом внутреннего крестового похода. Их воинским кличем было: «Крест и Святой Иаков». Всякий мужчина, притязавший на сколько-нибудь благородное происхождение, рассматривал себя исключительно как боевую машину. Это было его работой, его жизнью, неотъемлемой частью его веры в течение восьми столетий.

Крестовый поход против мавров, однако, не был непрерывным, так как испанцы несли на себе проклятие междоусобной вражды. В силу расовых предрассудков и особенностей местности они были раздроблены на мелкие государства, основой которых служили укрепленные города или замки исторической знати; им недоставало национального единства и общности интересов, необходимых, чтобы сбросить захватчиков в море. В самом деле, на междоусобные стычки уходило больше времени, энергии и крови, чем на борьбу с маврами, и только притягательная сила цветущих долин, так хорошо обработанных завоевателями, заставляла христиан спускаться вниз с мрачных горных вершин. В случае успеха испанцы ненадолго закреплялись на равнинах и сами возделывали землю и собирали урожай, но не могли защититься от молниеносных контратак арабской конницы. Только после того, как захватчики были отброшены за реку Дуэро, появилась возможность воздвигнуть вдоль этого естественного барьера надежные оборонительные укрепления. Это произошло через полтора столетия эпизодических, незначительных сражений. Затем должно было миновать еще шестьсот лет, прежде чем испанцам удалось выйти к реке Тахо.

Тем не менее единство веры перевешивало междоусобные разногласия. Испанцы в своей гордыне могли роптать на растущее могущество папы, но сами они были ревностными воинами Христа, а их священники приобретали все большее влияние как в делах государства, так и в военных делах. Менестрели воспевали деяния рыцарей в стихах, а такие великие поэмы, как, например, «Песнь о моем Сиде», оказывали на воинов необычайное моральное воздействие, поднимая рыцарский дух до вершин романтического героизма.

К середине XV века мавры наконец были вытеснены в их южный оплот – Гранаду, а мелкие государства христианской Испании сложились в три королевства – Португалию, Кастилию и Леон и Арагон; при этом маленькое королевство Наварра осталось изолированным и независимым в твердынях Пиренеев. Наконец, с 1479 года Испания – единое государство, и не далек тот день, когда она станет колониальной империей.

Пионерами золотого века открытий стали португальцы. Взятие в 1415 году мавританского города Сеуты (за Гибралтаром) послужило для них началом долгих и дорогостоящих поисков пути к специям Молуккских островов. Корабль за кораблем отправлялись из устья Тахо⁷ в Атлантику, исследуя океан, воды которого, как считали в ту пору, ревущим водопадом переливались где-то через край мира.

Тесные контакты с маврами дали этим мореплавателям не только средства навигации, но и новый тип судна – каравеллу. Последующие поколения этих судов и по сей день можно увидеть в устье Тежу, где эти широкие с мелкой осадкой суда для перевозки вина

⁷ В Португалии – Тежу. (Примеч. перев.)

известны как *fragatas*. Каравелла с ее латинскими парусами, унаследованными от арабского дау, оказалась первым океанским судном, способным двигаться против ветра без применения весел. Это обстоятельство открыло дорогу португальским мореплавателям. Им воспользовался сын короля Португалии Жуана I – Энрике, прозванный Мореплавателем.

Этот необыкновенный принц, охваченный неукротимым желанием исследовать мир, что лежал за пределами существующих карт и схем, расположил свой двор на мысе Сагриш, в крайнем юго-западном углу своего королевства, известном теперь как мыс Сан-Висенти. Это невысокий скалистый мыс, вдающийся далеко в море, единственное место в этой части побережья, где можно видеть Атлантический океан не только на западе, но и на юге. Всякий, кто проходил на парусном судне мимо этой выступающей точки суши, идя на всех парусах с попутным северным ветром – португальским пассатом, – преобладающим летом в этих местах, поймет, как в дни господства судов с прямым парусным вооружением внимание моряков неизбежно притягивал к себе юг, таивший новые открытия.

Здесь, в настоящем штабе военно-морских операций, принц Энрике собрал картографов, астрономов, мореходов. Здесь он давал указания своим навигаторам, посылая их вдоль побережья Африки в упорных попытках проникнуть за рифы мыса Бохадор, так как именно в этой точке все предыдущие путешественники сходили с маршрута волею северо-западного пассата и северного экваториального течения, смертельных для судов с прямыми парусами.

Попытки принца не приносили результата четырнадцать лет. Однако в 1434 году один из наиболее отчаянных навигаторов Энрике, Жил Эанеш, прошел по морю до конца этого пятнадцатимильного барьера рифов и затем пробился на своей каравелле обратно против ветра и подошел к плоскому песчаному берегу Сахары. Бохадор, тысячу лет являвшийся южным пределом Атлантики, был наконец покорен, и после этого капитаны Энрике быстро проникли на юг вдоль Африканского побережья. На всех существовавших тогда картах, относившихся к Финикийскому походу вокруг Африки почти за 600 лет до Рождества Христова, этот материк был показан значительно меньшим. К 1458 году португальцы достигли реки, названной ими Рио-Гранде, и, увидев, что берег уходит дальше к юго-востоку, решили, что они обогнули половину материка. Это было в 1460 году, к моменту смерти Энрике. Но, как вскоре выяснилось, праздновать успех было рано.

Годом позже они пересекли залив Биафра и обнаружили, что побережье Африки, оказывается, идет дальше к югу. Для мореплавателей это оказалось горьким разочарованием.

После этого интерес португальцев к исследованию Африканского побережья упал. Однако страна, вся жизнь которой была направлена на торговую экспансию, не прекратила исследования только потому, что ее надежды не оправдались. Потерпев неудачу в одном направлении, португальцы, без сомнения, должны были направиться в другом. У них были суда, люди и опыт. И здесь возникает вопрос, бередящий с тех самых пор душу любого человека, изучающего историю мореплавания: куда направились португальские суда после 1461 года? Насколько раньше португальцы с готовностью делились своими знаниями, настолько теперь они, подобно финикийским торговцам, ввели политику абсолютной секретности. Вводится смертная казнь за разглашение информации о путешествиях. Даже в 1503 году картограф Хуан де ла Коза, баск по происхождению, составивший тремя годами ранее свою *Marremunde*⁸, был освобожден из-под ареста только после того, как изготовил две фальшивые карты для отправки в Испанию.

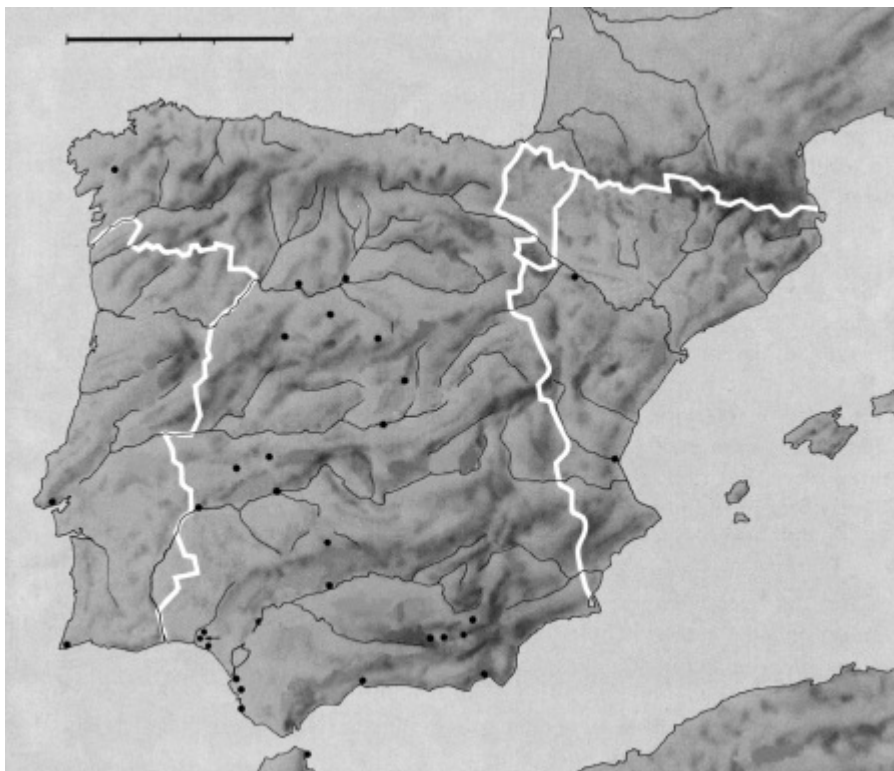
Сконцентрировав усилия на морской экспансии, Португалия буквально изолировала себя от основного потока событий на Иберийском полуострове. Тем временем два других больших королевства, Кастилия и Арагон, также достаточно окрепли. Кастилия (вместе с Леоном) простиралась от побережья Бискайского залива, где жили баски, на юг через горы

⁸ *Карту мира. (Примеч. перев.)*

и текущие на запад реки Центральной Испании, через все земли, отвоеванные ее солдатами у мавров, до укрепленной твердыни исламской Гранады. Долгая история войны привела к тому, что все кастильские города превратились в крепости, а их жители – в воинов. Тем, кто селился на вновь отвоеванных землях, особенно жителям пограничья, первыми лицом к лицу встречавшим ответные удары, даровались особые привилегии. Таким образом, города и села оказывались заселенными свободными людьми, которые жили по собственным демократическим законам и управлялись собственными выборными чиновниками; и это в то время, когда вся остальная Европа была феодальной и множество людей находились в крепостной зависимости.

Арагон, с другой стороны, превратился в торговое королевство, особенно после того, как союз с Каталонией и позже завоевание Валенсии предоставили ему контроль над всеми портами Восточномедиземноморского побережья. Там, где Кастилия опиралась на сухопутную армию, состоявшую из знати и ополчения, Арагон полагался на моряков и корабли, с помощью которых были завоеваны Балеарские острова, Сардиния и даже Сицилия.

19 октября 1469 года Фердинанд, восемнадцатилетний король Сицилии и наследник арагонского трона, женился на Изабелле, девятнадцатилетней сестре короля Кастилии Энрике IV. Важность этого союза стала очевидной десять лет спустя, когда, со смертью отца Фердинанда, Кастилия и Арагон оказались объединены личностями двух энергичных и умных людей. Так, собственно, родилась Испания. Однако не обошлось без эксцессов. В момент смерти полубезумного короля Энрике IV положение Кастилии было хуже, чем когда-либо со времен падения королевства вестготов. Король Португалии Альфонсо поддерживал притязания на трон Хуаны, дочери Энрике. Тринадцатилетняя Хуана была помолвлена с португальским принцем Жуаном, и эта пара была объявлена королем и королевой Кастилии. Началась война за престолонаследие.

Испания в XVI в.

Фердинанд и Изабелла едва смогли собрать пятьсот всадников. Но два месяца спустя под их началом собралась армия численностью уже более сорока тысяч. Правда, состояла она в основном из плохо обученного ополчения. Потерпев поражение при Торо, Фердинанд перешел к тактике партизанской войны. И следующее сражение при Торо закончилось сокрушительным поражением португальцев. Тем не менее война продолжалась четыре с половиной года, и к концу ее Фердинанд и Изабелла получили полное представление о качествах друг друга, о стойкости и гибкости перед лицом несчастий. Они были готовы к борьбе за выполнение своей главной задачи – окончательного изгнания неверных и объединения страны. Но сначала необходимо было реорганизовать собственное королевство.

Внутренней разлагающей силой в Кастилии всегда было могущество знати; ведь даже само название страны происходит от множества укрепленных замков⁹. В длительной борьбе с маврами высшее дворянство обеспечивало основную численность армии короля за счет своих вассалов. Предводителями этих отрядов были менее знатные дворяне – идальго и кабалеро, рыцари, составлявшие кавалерию. Города и их ополчение всегда были в первую очередь оборонительной силой. Неудивительно, что знать, несшая на себе основные военные расходы, делила добычу со своим сувереном. В результате их владения становились еще больше, и на протяжении многих лет могущество и богатство всех категорий дворянства только возрастало. Дворянство не облагалось налогами и было привилегированным классом, стоявшим над законом; дворянина нельзя было посадить в тюрьму за долги и подвергнуть пытке; он мог даже нарушить верность своему суверену и служить его врагам. Таким образом, едва центральная власть ослабевала в руках неумелого монарха, страна тут же раскалывалась на бесчисленное количество маленьких государств.

На момент вступления на престол Фердинанда и Изабеллы знать была всемогуща, а ее владения больше и богаче, чем когда-либо. Однако существовала одна организация, им не подчинявшаяся. Это Священное Братство городов (Santa Hermandad), своего рода полицейские силы, формировавшиеся для поддержания общественного порядка. Их заботой было предотвращение обычных преступлений, но, поскольку злоупотребления знати доходили до того, что их собственные действия или действия их вассалов часто противоречили обычному уголовному праву, восстановление и расширение Братства по инициативе Изабеллы встретило со стороны знати сильное сопротивление. Но королева сумела настоять на своем, и в 1485 году был введен новый кодекс законов. В каждом городе, где жило не менее тридцати семей, был образован суд из двух алькальдов и введена конная, хорошо вооруженная полиция для выполнения приговоров. В результате бандиты и военные, чинившие беспорядки по всей стране, были быстро подавлены. Братство оказалось мощным инструментом в твердых руках королевской власти.

Один за другим сильнейшие кланы, чьи давние распри до этого момента питали анархию, были изгнаны в свои поместья, а аннексированные ими земли и замки возвращены короне. Вся законодательная система была тщательно пересмотрена, власть тайного совета, состоявшего исключительно из представителей знати и духовенства, значительно урезана, позиции суда алькальдов усилены, в Вальядолиде был образован постоянный верховный апелляционный суд. Достоинство и законопослушание стали теперь путем к продвижению по службе. Более того, было восстановлено право короны представлять уроженцев своей страны на вакантные должности в церковных епархиях королевства, и Изабелла смогла помочь ученым и благочестивым мужам занять высокие места в церковной иерархии. И тем не менее именно эта выдающаяся женщина открыла свои владения одному из величайших зол в истории человечества.

⁹ Замок (от исп. *castillo*). (Примеч. перев.)

Человеком, введшим инквизицию в Испании, стал духовник королевы, Томас де Торквемада, монах-доминиканец. В ту пору евреи в Испании были очень многочисленны; великие путешественники, врачи, писатели, ученые – они внесли наибольший вклад в науку и культуру того времени. Но, во-первых, считалось, что именно евреи содействовали вторжению мавров; во-вторых, они были прирожденными ростовщиками и, как таковые, были ненавидимы. Их богатства вызывали зависть, и по мере убывания мавританского могущества евреи подвергались все большему преследованиям. Фанатичные церковники, особенно доминиканцы, призывали к введению Святой палаты¹⁰. Фердинанд дал свое согласие, и 1 ноября 1478 года папа выпустил буллу, санкционировавшую действия инквизиторов.

То, что в 1231 году возникло в качестве противодействия распространению манихейской доктрины на части территории Франции и Италии, причем больше с целью обращения в истинную веру, нежели наказания, к XV веку превратилось в значительно более всеобъемлющий и коварный инструмент. В Испании же инквизиция свирепствовала более, чем где-либо. Первый эдикт, выпущенный инквизиционным судом, требовал от всех содействия не только в задержании, но и обвинении любого, подозреваемого в ереси. Атмосфера в стране настолько накалилась, а число арестованных настолько выросло, что инквизиторы почти за благо переехать в огромную крепость Триана. Поводом для ареста граждан-евреев могли послужить слухи или такие шаткие доказательства, как ношение праздничной или просто более чистой одежды в день еврейской субботы, питье какого-либо особым образом приготовленного напитка или употребление в пищу мяса собственноручно зарезанного животного. Анонимность свидетелей соблюдалась настолько строго, что жертве сообщалась только сильно искаженная версия обвинения. Участие защитника допускалось, но он не мог общаться со своим клиентом. Каждое изменение в показаниях свидетелей превращалось в предмет нового обвинения. Слушания велись втайне. Апелляции не принимались. Попытки становились обычной процедурой, но ничто из того, чему XX век был свидетелем, не может сравниться с ужасным финальным спектаклем – аутодафе. Сожжение служило высшей мерой наказания. Европа тогда только-только начинала выходить из Темных веков, и время это не отличалось чрезмерной чувствительностью. Но аутодафе с его тщательно разработанным ритуалом было чем-то большим, чем просто публичной казнью; в этом действе, впервые после финикийцев, убивавших первенца во славу Ваала, тогдашний мир ближе всего подошел к религиозному жертвоприношению. Говорят, что за восемнадцать лет, которые Торквемада провел в должности генерал-инквизитора Кастилии и Арагона, подобной смертью (аутодафе) умерло более десяти тысяч человек. Все это производило на слабых, суеверных и отсталых людей чрезвычайно сильное впечатление. И все же конкистадоры (большинство из которых, должно быть, хотя бы раз присутствовало на аутодафе) не могли скрыть свой ужас, столкнувшись с другой нацией, практикующей человеческие жертвоприношения во имя религии.

Одиннадцать лет (1481–1492) Кастилия в основном была занята войной против Гранады, и здесь необходимо хотя бы кратко рассказать о ней, так как действия Фердинанда и его командиров послужили образцом для более поздних колониальных завоеваний.

На ранней стадии война эта велась скорее местной знатью, нежели короной, а страдали при этом больше всего крестьяне, оказавшиеся в зоне военных действий.

Отряды обеих сторон, привыкшие за столетия войны добывать все необходимое у местных жителей, редко уничтожали посеvy и жилища, это была их законная добыча, а зачастую и единственная форма расчетов со своими воинами. Но в 1484 году была введена тактика выжженной земли, и тридцать тысяч фуражиров шли с войсками, забирая по пути все, что попадалось под руку, и создавая широкую полосу запустения вдоль всего марш-

¹⁰ Святая палата – официальное название инквизиции. (Примеч. ред.)

рута движения. Затем арагонский флот блокировал мавританские порты. Испытывая недостаток артиллерии и другого вооружения, мавры начали смазывать ядом наконечники стрел своих арбалетов. В то же время усилия Изабеллы по поддержанию войны начали приносить результаты. Ополчение, набранное во всех, даже самых отдаленных провинциях, проходило обучение и становилось чем-то вроде иррегулярной армии. Со всех концов Европы в страну стекались добровольцы, вдохновляемые религиозным пылом или по зову рыцарского долга. Один за другим пали аванпосты Гранады, и в 1487 году Фердинанд двинулся на Малагу с более чем пятидесятитысячным войском. Этот город, павший после трехмесячной осады, был подвергнут наиболее жестокому обращению в назидание остальным. Всему населению города, собранному во дворе огромной крепости над морем, сообщили, что треть из них будет отправлена в Африку для обмена на христианских пленников, треть – продана в рабство, чтобы окупить расходы на войну, а остальные розданы в качестве рабов в другие страны в качестве благодарности за оказанную помощь. Объявив такой приговор целому городу, Фердинанд в то же время предложил и альтернативу – огромный выкуп, который следовало уплатить в течение девяти месяцев. Несчастные мавры не имели никакой надежды собрать такую сумму, однако заявление возымело желаемый эффект. Каждая семья отдала все припрятанное добро в надежде таким образом откупиться от рабства.

С городом Баса поступили иначе. Этот город-крепость в мае 1489 года был обложен войсками Фердинанда, насчитывавшими к тому моменту уже почти сто тысяч. Баса сдалась только 4 декабря того же года, причем условия сдачи были в высшей степени великодушными. Населению дали возможность уйти в Гранаду со всем движимым имуществом или остаться в качестве подданных испанской короны. Сиди Яхье, возглавлявший оборону, был даже приглашен на королевскую службу. Это также был умный ход. В результате визита Яхье к родственнику, Эль Сагалу, города Альмерия и Гуадикс сдались на тех же условиях, что и Баса. Чрезвычайная жестокость, проявленная королевскими войсками в Малаге, и столь неожиданная мягкость по отношению к сдавшимся позже городам в результате ослабили волю Гранады к сопротивлению, когда в апреле 1491 года этот главный оплот мавров подвергся осаде. Прикрытая с одной стороны горным барьером Сьерра-Невада¹¹, Гранада была мощной крепостью, которую окружала плодородная равнина. Поначалу осада носила странный характер. Между враждующими сторонами словно бы царила атмосфера турнира; мавры выезжали из города, по одному и группами, чтобы поучаствовать в рыцарских стычках на фоне пышно цветущей природы. Испанские правители всячески поддерживали театральность этого действия. Но видимость была обманчива. Решимость испанцев довести дело до конца стала очевидной, когда они превратили свой лагерь в настоящий укрепленный город. Санта-Фе был построен за три месяца, и его сооружение сильнее, чем любой штурм, подорвало боевой дух мавров. Переговоры о сдаче начались в октябре, и 2 января 1492 года город открыл ворота испанцам на еще более либеральных условиях.

Всего четыре месяца спустя громкие требования народа привели к изданию эдикта, представленного Торквемадой, об изгнании евреев. Это было суровым возмездием за неспособность евреев слиться с основным населением, но, по сути, оно не было чем-то большим, чем в других европейских странах, которые делали то же самое, но с меньшим шумом. Когда наконец пала Гранада, религиозный энтузиазм испанцев достиг своего пика, а несколько лет деятельности инквизиции и публичных аутодафе воспламенили ненависть народа к еретикам. Кроме того, сказывалась нетерпимость к инородцам новообретенного национального единства. Евреи бежали тысячами в Португалию, Африку, Италию, Турцию и Левант¹². В

¹¹ Хребет в Андалусских горах. (Примеч. ред.)

¹² Общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Турция, Греция, Кипр); в узком смысле – Сирии и Ливана. (Примеч. ред.)

результате Испания оказалась в проигрыше, поскольку евреи представляли собой наиболее культурную, деятельную и знающую часть общества.

Глава 2

Рождение империи

Вот каким был мир, в котором родились конкистадоры: мир религиозной и расовой нетерпимости, сражающихся за веру рыцарей и марширующих армий, мир войн, разорения и всевозможных перемен. Воспитывались они под влиянием воинствующего религиозного пыла и ощущения непобедимости испанского оружия. Сантьяго и Дева Мария – какая еще поддержка требовалась мужчине, когда его конь с грохотом несея в сражение? Два величайших конкистадора родились в одной и той же провинции – Эстремадуре: Эрнан Кортес – в 1485 году в небольшом городе Медельин, Франсиско Писарро – на десять или двенадцать лет ранее в городе Трухильо. Кроме того, между ними существовали и родственные связи. Кортес был сыном Мартина Кортеса де Монрой и доньи Каталины Писарро Альтамарино. Кортесы, Монрой, Писарро и Альтамарино – старинные знатные роды, так что его родители были идальго. Писарро был сыном Гонсало Писарро, пехотного полковника, позже служившего и отличившегося в Италии под началом Великого капитана Гонсальво де Кордовы. Он был, однако, незаконно–рожденным, плодом связи отца с Франсиской Гонсалес, женщиной низкого происхождения из Трухильо.

Эти два человека, Кортес и Писарро, встретятся только однажды, может быть, дважды, за время своей деятельности. Оба обладали необыкновенной храбростью. Оба были авантюристами, солдатами удачи, людьми, рожденными для лидерства в эпоху средневекового рыцарства, когда единственным достойным делом для джентльмена, воистину единственным его *raison d'être*¹³, была война. Более того, их родиной была Эстремадура, и именно в этой суровой горной местности они набрали лучших своих людей.

Если вы будете путешествовать по плато Эстремадура сегодня, то найдете его мало изменившимся. Каменный дуб по-прежнему затеняет значительные пространства страны своей темно-зеленой листвой; его огромные желуди по-прежнему служат кормом для свиней, лошадей и крупного рогатого скота и даже обеспечивают минимально достаточный рацион для человека; поселения на холмах по-прежнему представляют собой всего-навсего россыпи хижин, разбросанных по голым скальным отрогам, а деревни – в основном одноэтажные коттеджи, выстроившиеся вдоль мощенных булыжником улиц, спускающихся к центральной водосточной канаве. Вершины холмов увенчаны старыми замками или великими твердынями, такими, как Белалькасар. В Медельине, в городе под стенами огромного замка, до сих пор сохранились следы дома Кортесов, стоит также его статуя, а имя стало очень распространенным. В Трухильо же на площади можно увидеть Писарро на бронзовом боевом коне, а если пройти внутрь старых стен вверх по извилистым улочкам этого сохранившего средневековый облик города, вы внезапно выйдете к церкви Санта-Мария, единственной церкви внутри городских стен; поднимитесь на колокольню, и вы увидите внизу те же серые каменные дома, которые видел Писарро еще ребенком.

Однако наиболее глубокое впечатление производит сельская местность. Эта суровая страна мало изменилась, здесь и сегодня живут того же типа люди, как те, кого Кортес и Писарро набирали для своих экспедиций: невысокие, крепко сбитые, жесткие, как местные каменные дубы, с темными лицами, которые суровая земля их родины изрезала морщинами. Это пастбищное плоскогорье, где в любом направлении открывается далекая перспектива, а земля убегает прочь, к горам, возвышающимся на горизонте, как острова. Широкие небеса рождают в душе желание путешествовать, и именно это наряду с бедностью этой земли

¹³ *Смысл существования (фр.). (Примеч. перев.)*

призывало взглянуть, что там, за горами, узнать, как одна перспектива сменяется другой, как на горизонте появляются новые вершины, пока наконец, двигаясь на север, человек не достигал Тахо, несущей свои воды на запад, к Лиссабону, и дальше к океану. Тахо, Гвадиана и Гвадалквивир – все эти реки приносили новости из внешнего мира: сначала об открытиях португальцев в Африке, потом об испанских открытиях за Западным океаном. Этому духу перемен невозможно было сопротивляться, и время было выбрано правильно.

С падением Гранады вдруг оказалось, что неверных, которых надо убивать, больше нет и не с кем больше сражаться за торжество креста. Боевая машина кабальеро внезапно остановилась. Именно в этот момент на сцене появился Христофор Колумб. Этот генуэзский мореплаватель в возрасте примерно тридцати лет оставил море и осел в Лиссабоне. Он женился на португалке, родственник которой, известный морской капитан, оставил ей все свои бумаги, возможно даже судовые журналы. С их помощью Колумб не только изготавливал и продавал карты, но и пришел к убеждению, что, плывя на запад, умелый мореплаватель может обнаружить короткий путь в Индию; он даже лелеял надежду, что за Западным океаном лежат неизвестные земли.

Вряд ли можно поверить, что Колумб придумал все это только на основании слухов и каких-то неопределенных указаний в бумагах умершего капитана. К тому времени португальцы имели уже почти столетний опыт морских исследований. Все это время их влекло к себе не золото, а специи. В те дни специи, в особенности перец, пользовались огромным спросом и применялись для сохранения туш скота, забитого осенью из-за недостатка зимних кормов. Перец в те времена доставлялся с Молуккских островов в Европу через Малайю, Индию, Египет и затем уже сухим путем к Средиземному морю. Этот путь, изобиловавший пиратами и алчными местными правителями, обходился во столько человеческих жизней и средств, что то количество перца, которое на Молукках покупалось за один дукат, в Европе продавалось за сто пять. Именно эта финансовая приманка порождала мечты португальцев о прямом океанском южном пути вокруг Африки в Индию. Мы знаем, почему их интерес к Африканскому побережью пропал вскоре после смерти Энрике Мореплывателя. Остается, однако, загадкой, почему в договоре, заключением которого закончилась война за наследство в 1476 году, они оставили всякие притязания на земли, лежащие за Западным океаном, и почему внезапно стали настолько скрытными в отношении своих путешествий и открытий.

За два года до того, как Бартоломеу Диашу удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, король Жуан II, чей энтузиазм в морских делах не уступал энтузиазму Энрике, отверг просьбу Колумба о финансовой поддержке, заявив, что у него есть «более определенная информация о западных землях, чем измышления этого генуэзца». Неужели португальцы к этому моменту уже исследовали Американское побережье? Это кажется невероятным. Тем не менее нам еще многое предстоит узнать о ранних путешествиях. Только в последние годы мы приняли наконец идею о том, что викинги бывали в Америке за четыре столетия до Колумба. Ирландские монахи на своих карэ – обтянутых кожей лодках – могли оказаться там еще в VI веке. А как насчет финикийцев, державших в тайне подробности своих торговых плаваний? А греки?

Кем был Кецалькоатль, ацтекский бог познания, высокий и светлокожий, с длинными волосами и развевающейся бородой, пришедший с востока, со стороны восходящего солнца, и исчезнувший в море так же таинственно, как появился? Именно за этого бога ацтекской мифологии мешики потом приняли Кортеса. Также и инки – кем был их Тики-Виракоча? Недавняя находка новой карты служит своевременным напоминанием о том, что за пять миновавших с эпохи португальских открытий столетий утрачено огромное количество жизненно важной информации. В самом деле, признание Колумба первооткрывателем Америки оставляет в тени по крайней мере одно путешествие португальцев, а именно плавание Жоао Вас Кортес-Реала в 1472 году. Полдюжины стран, в том числе Португалия и Дания, признают

Жоао Вас Корте– Реала истинным первооткрывателем Америки. Морской путь, которым ходили длинные суда викингов и, вероятно, скорлупки ирландских монахов, пролегал через Исландию и Гренландию. Открытые морские переходы на этом пути нигде не превышают четырехсот миль, кроме того, датчане регулярно преодолевали первые три из них. Почему бы не предположить, что и последний тоже?

Подобные рассуждения еще более применимы ко времени Колумба, и хуже всего то, что мы не знаем, на какой информации основывалась его убежденность в возможности достижения земель, лежащих за Западным океаном. Зато нам известно, что он был настолько поглощен этой идеей, что, не получив для нее поддержки в Лиссабоне, отправился в Испанию. Война с Гранадой была в этот момент в самом разгаре, и ни у кого не нашлось ни времени, ни денег для подобных фантастических предприятий. Он попытался договориться с аристократами Средиземноморского побережья, но снова потерпел неудачу. Тем не менее интерес был разбужен, и, когда Гранада наконец пала, Фердинанд и Изабелла были готовы прислушаться к его доводам. 17 апреля 1492 года в Санта-Фе они подписали капитуляцию, назначив его адмиралом, вице-королем и генерал-губернатором всех островов и земель, которые ему удастся открыть в Западном океане, с юрисдикцией над всеми коммерческими операциями и правом на одну десятую полученной прибыли и еще на одну восьмую, если он внесет соответствующую долю расходов на экспедицию.

Большинство торговцев и моряков тех дней считали Колумба чудачком, поэтому в главных портах Севильи и Кадиса он получил мало поддержки. И только Алонсо Ниньо, торговец из Могера, лежащего в устье Рио-Тинто, и семейство судостроителей Пинсон наконец согласились его финансировать. К концу июля 1492 года его маленькая флотилия, состоящая всего из трех судов – «Санта-Мария», карака водоизмещением около 80 тонн, и две маленькие каравеллы, «Пинта» и «Нинья» (женский вариант имени Ниньо), – стояла в небольшом порту Палос-дела-Фронтера в небольшом речном заливе, примерно в миле от открытого моря. В настоящее время сам залив заилился, однако в самом Палосе можно еще увидеть фонтанилью, или домашний источник, из которого матросы Колумба в последний раз наполнили водой свои бочки. После освящения в церкви Могера суда спустились по реке к бару¹⁴ у Сальтеса. В монастыре Ла-Рабида, стоящем на невысоком холме у устья реки, и по сей день хранится изваяние Богородицы Милагрос, к которой Колумб обратил свои последние молитвы за успех путешествия. Он отплыл 3 августа, его адмиральский флаг развевался на «Санта-Марии», а капитанами судов были три представителя семейства Пинсон. Именно в устье Рио-Тинто стоит сейчас огромная статуя Колумба, обращенная на запад, к Новому Свету. В остальном река изменилась мало, она по-прежнему медленно течет широкой водяной лентой, а ниже Ла-Рабиды можно увидеть небольшой широкий залив, в высшей степени подходящий для якорной стоянки небольших каравелл, которые строили в то время Пинсоны. Всего под началом Колумба в этом путешествии находилось порядка сотни моряков и искателей приключений.

Колумб увидел Багамские острова 12 октября. Он побывал на Кубе и Гаити, где высадил людей для основания первой испанской колонии в Новом Свете. Его флагман потерпел крушение, и он вернулся на «Нинью», придя в Палос 15 марта 1493 года после короткой стоянки в устье Тахо. Двору Фердинанда и Изабеллы он представил доказательства своих открытий – грубо сделанные золотые украшения, образцы растений, животных и птиц, а также шестерых островитян. Это была экзотическая процессия, первая крупная группа богатств, которым суждено было прибыть из Индии для поддержки испанского оружия и притязаний. Она также символизировала отмщение за все, что пришлось вытерпеть Колумбу за многие годы, – за недоверие, клевету и грубые отказы.

¹⁴ Бар – наносная отмель, образующаяся в море против устья реки. (Примеч. перев.)

Надежды, рожденные открытиями Колумба, были столь велики, что во главе конторы для управления делами Индий в Севилье был поставлен Хуан де Фонсека, архидиакон Севильи, проницательный деловой человек, а в Кадисе образована особая таможня. В Ватикан было подано прошение, и папа издал три буллы, подтверждающие право Испании на владение всеми землями, обнаруженными к западу от линии, проведенной между двумя полюсами на расстоянии ста лиг¹⁵ к западу от Канарских островов и островов Зеленого Мыса. Однако Португалия была не согласна с таким делением, и заключенный в Тордесильясе в 1494 году договор провел разделительную линию уже в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса; такое разделение давало Португалии законные основания для ее закрепления в Бразилии.

Тем временем 25 сентября 1493 года Колумб отплыл в новое путешествие, на этот раз из небольшой бухты Пуэрто-де-Санта-Мария, расположенной напротив Кадиса на противоположном берегу залива. Флотилия на этот раз была значительно больше – три караки и семнадцать каравелл; и шло с ним уже полторы тысячи человек. После сорокадневного перехода он обнаружил основанное им на Гаити поселение покинутым. Гаити, называвшийся тогда Испаньолой, был колонизирован заново; однако уже через короткое время стали очевидными все те раздоры и конфликты интересов, которые характерны для каждого успешного завоевания в Новом Свете. Несмотря на то что экспедиция была по тем временам чрезвычайно хорошо оснащена, она с самого начала несла с собой семена беды. Кроме матросов и ремесленников – и среди них, между прочим, большое количество шахтеров, что дает возможность представить себе основные надежды тех, кто финансировал экспедицию, – большинство искателей приключений были наемниками, то есть людьми, искавшими личной славы и выгоды. Также в экспедиции участвовали дюжина духовных лиц и несколько индейцев из числа привезенных первой экспедицией, обращенных в истинную веру и, как предполагалось, готовых стать миссионерами.

Колумб, представлявший собой странную смесь шарлатана, приспособленца и фанатика мореплавания, едва ли был человеком, способным эффективно управлять горячими и непокорными поселенцами. Более того, хотя испанцы и называли его Кристобалем Колоном, он по-прежнему оставался для них иностранцем. Однако основной причиной возникших проблем послужил тот факт, что из искателей приключений не получаются хорошие хозяева. Новая колония должна была давать зерно, а не золото. Индейцы, взбешенные поведением людей, привыкших за время войны разорять завоеванные земли и брать то, что им приглянулось, восстали. В результате погибла треть поселенцев, а неудача с посевами вызвала недостаток пищи. Колумб был вынужден ввести нормы потребления продуктов и обязать каждого человека, каков бы ни был его ранг, работать в поле. Этот приказ вызвал неизбежный результат. В 1496 году, когда Колумб вернулся в Испанию, доход от колонии был невелик, а жалобы многочисленны. Его по-прежнему хорошо принимали при дворе, однако епископ Фонсека был уже менее услужлив, а третью экспедицию из шести судов удалось подготовить только в начале 1498 года.

Отплыв 30 мая из Санлукара-де-Баррамеды, Колумб прошел южнее прежнего маршрута, открыл остров Тринидад и высадился непосредственно на побережье Южной Америки. Прибыв наконец на Испаньолу, он застал там восстание уже самих колонистов. Уладить дело удалось только путем раздачи земель и распределения между колонистами рабов-индейцев для их обработки. Так была установлена порочная система *repartimiento*¹⁶. Тем временем в Испанию с каждым возвращающимся судном шли и шли жалобы и обвинения в адрес Колумба, и наконец для их расследования в Индии был направлен специальный комис-

¹⁵ Морская лига равна 3 морским милям (5556 км). (Примеч. перев.)

¹⁶ Система «освоения» захваченных земель, заключающаяся в распределении между колонистами земель вместе с проживавшим на них населением (исп.).

сар. Этот чрезмерно усердный и претенциозный рыцарь, дон Франсиско де Бобадиля, повелел Колумбу явиться к нему и ответить на обвинения, затем бросил его в тюрьму и наконец отправил Колумба и его брата обратно в Испанию в оковах. Там Колумб, конечно, был освобожден, однако на его место был назначен новый губернатор. Это был дон Николас де Овандо, рыцарь ордена Алькантара. Он отплыл в феврале 1502 года с флотилией из тридцати двух судов и отрядом в две тысячи пятьсот человек, среди которых в качестве добровольца присутствовал будущий победитель индейцев Лас Касас. Масштаб этой экспедиции дает понятие о значении, которое к тому моменту приобрела Испаньола в глазах испанской короны.

Колумб же совершил еще одно большое путешествие, отплыв в марте 1502 года с приказом не посещать колонию на Испаньоле. Переждав шторм и потеряв несколько судов, Колумб отправился далее исследовать Карибское море от Гондураса до Дарьена; два долгих года он пытался найти проход в Азию. Он умер в Вальядолиде в 1506 году, через два года после возвращения в Испанию.

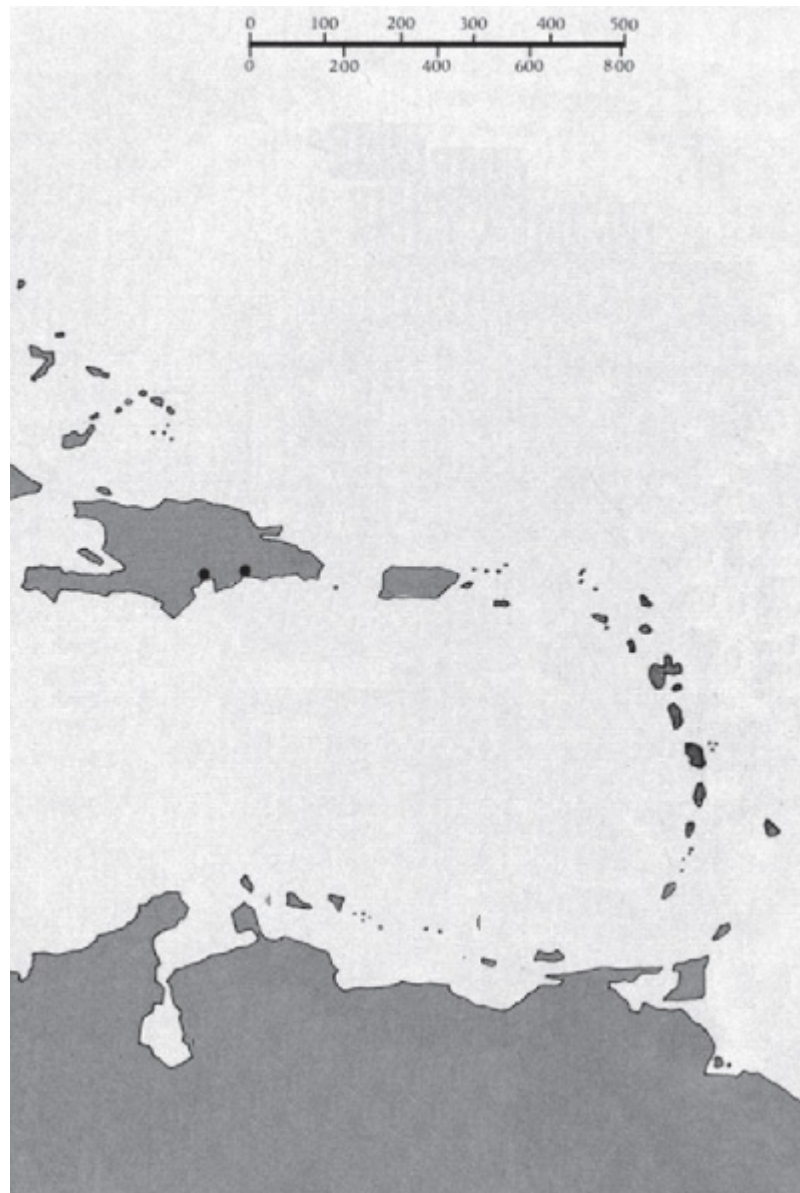
В истории Колумба можно различить многие из тех проблем и испытаний, что принесла с собой в Новый Свет Испания. Интересы испанцев, состоявшие поровну из жажды наживы и осознания своей религиозной миссии, были несовместимы между собой. Люди, отправлявшиеся туда в качестве колонистов, по сути, являлись скорее искателями приключений, чем поселенцами. Их предводители, происходившие из незнатных дворян, были с детства привычны к межродовой вражде, и Новый Свет, далекий от вмешательства и контроля государства, дал полную волю их инстинктам войны и междоусобной вражды. Вместе с матросами, привычными к тяжкому труду во время длинных переходов через Атлантику, они были готовы к открытиям и завоеваниям, но мало к чему еще, и в этом на своей шкуре должны были еще долго убеждаться несчастные индейцы.

Со смертью Колумба факел открытий переходит к уроженцам Испании, к конкистадорам – в первую очередь Кортесу и Писарро. О детстве и юности последнего имеется мало достоверной информации. Полагают, что он был оставлен обоими своими родителями и был найденным, обнаруженным на ступенях церкви Санта-Мария в Трухильо; существует даже рассказ о том, что он был вскормлен свиньей. Кажется, мало сомнений может вызвать тот факт, что в юности он пас свиней и не имел другого образования, кроме жизненных университетов. Одно из жизнеописаний предполагает, что он вместе со своим отцом участвовал в итальянских войнах и даже плывал с Колумбом. Однако наверняка мы знаем лишь то, что кровь отца позвала его в Новый Свет и в 1509 году, когда Франсиско было уже под сорок, он принял участие в экспедиции, возглавляемой Алонсо де Охеда. Писарро был оставлен во главе поселения в Ураба на материке и спасся оттуда после того, как намеренно допустил большие потери среди колонистов, с тем чтобы немногие оставшиеся смогли безопасно отплыть на двух имевшихся в их распоряжении небольших суденышках.

Он помогал Бальбоа в организации колонии на Дарьенском перешейке, участвовал в нескольких экспедициях Педрариаса после его назначения губернатором и в 1515 году пересек перешеек с целью торговли с жителями побережья Тихого океана. Он сопровождал Педрариаса, когда тот перенес резиденцию своего правительства в Панаму, однако к пятидесяти годам ему, несмотря на все усилия, нечем было похвастаться, кроме участка бедной земли возле столицы, некоторого количества рабов-индейцев и положения одного из старших капитанов губернатора. И это в то время, когда значительно более молодой Кортес шел на мексиканскую столицу. И все же, несмотря на возраст и отсутствие средств, Писарро в тот момент стоял на пороге трех великих путешествий, новых открытий и необычайных, почти невероятных приключений, которые должны были сделать его властителем Перу и всей империи инков.

В то время как о детстве и юности Писарро можно только строить предположения, в отношении Кортеса все по-другому. Вся его жизнь полностью описана секретарем, Франсиско Лопесом де Гомара, и другими. Как и многие другие великие люди, Кортес был болезненным ребенком, «таким хрупким, что много раз находился на грани смерти». Религиозные воззрения того времени неизбежно приписывают его выздоровление вмешательству свыше, в данном случае вмешательству святого Петра, случайно выбранного, если верить Гомаре, нянькой Кортеса. В возрасте четырнадцати лет он был отправлен учиться в университет Саламанки. Здесь описания расходятся: одни утверждают, что он изучал латынь, другие – юриспруденцию, третьи рассказывают, что он штудировал грамматику, но через два года из-за болезни, скуки и недостатка денег вернулся домой. Характер этого человека, который позднее проявится в его действиях, позволяет предположить, что он действительно изучал законы и управление, а также латынь, что он был усердным студентом, усвоившим за короткое время большой объем знаний. Можно также предположить, что его активная и амбициозная натура, связанная к тому же недостатком средств в студенческой среде, изобиловавшей сыновьями гораздо более богатых людей, чем его отец, заставила его вернуться домой под предлогом болезни.

Карибский бассейн

Гомара пишет, что Кортес был «беспокойным, высокомерным, задиристым и всегда готовым к ссоре». Мы видим здесь корректное описание амбициозного юнца, сознающего свои потенциальные возможности и раздраженного провинциальной жизнью маленького городка. В то же время он постоянно выслушивал приукрашенные истории о подвигах испанского оружия в итальянских войнах и необыкновенных возможностях Нового Света. Для горячего юноши, оставившего учение ради деятельной жизни, выбор мог лежать только между Италией и Новым Светом.

Овандо в тот момент снаряжал в Кадисе флотилию из тридцати двух судов и одновременно учился в Касересе в Эстремадуре. Это привело его к знакомству с семейством Кортес, и в результате он согласился, отправляясь к месту службы в качестве вновь назначенного губернатора Испаньолы, взять их сына с собой. Святой Петр, однако, судил иначе. Молодой Кортес в то время уже прилагал свою энергию в другом направлении. В момент бегства из дома замужней женщины под ним обрушилась стена, и, если бы не вмешательство матери,

Кортес был бы убит ее разъяренным зятем. С тяжелыми травмами, да еще прикованный к постели четырехдневной малярией, Кортес потерял шанс отплыть в Индии с Овандо; вместо этого он отправился в Италию. Но в Италию он так и не попал. Гомара пишет, что он около года болтался где-то без дела. Поскольку он вернулся в Медельин с твердой решимостью отправиться в Индии, мы можем с большой долей уверенности предположить, что он провел этот год в опьяняющей атмосфере южных испанских портов.

Шел 1503 год, итальянские войны близились к концу, Индии манили все сильнее. Америго Веспуччи уже завершил три из четырех своих широко освещавшихся путешествий. В двух «письмах», или описаниях, в результате публикации которых континент получил его имя (первое из них появилось в «Mundus Novus»¹⁷, второе – в «Cosmographiae introductio»¹⁸), он утверждал, что побывал к югу от реки Плейт¹⁹, почти у самого Магелланова пролива. Это было его третье путешествие в 1501–1502 годах. Во втором, в 1499–1500 годах, он, полагают, открыл Бразилию, проплыв вместе с Охедой вдоль побережья от 5° южной широты до залива Маракайбо. В этом путешествии с ним был и Хуан де ла Коза, составивший первую карту Нового Света. Один из представителей семейства Ниньо из Палоса, Педро Алонсо, достиг северного побережья Колумбии. Пинсон дошел до устья Амазонки, Лепе также плывал вдоль берегов Бразилии, а некий юрист Бастидас исследовал северное побережье Южной Америки непосредственно до Дарьенского залива. Большая часть этих судов возвращалась потом в атлантические порты южного побережья Испании, в бухту, именуемую заливом Кадис.

Санлукар-де-Баррамеда, расположенный непосредственно в устье Гвадалquivира, в свою очередь, служил водными воротами в Севилью. Река здесь широка, в нее легко войти, а невысокая скалистая южная оконечность устья обеспечивает некоторую защиту от южных ветров. Оказавшись за баром, который и в наше время сдерживает реку, попадаешь в тихое место с песчаным берегом, облегчающим высадку. Но главной притягательной силой для молодого Кортеса должна была быть сама Севилья – порт, сосредоточенный вокруг Торредель-Оро, приземистой круглой башни. Это почти все, что осталось от старых городских стен в месте их наибольшего приближения к реке. Здесь, на темном песчаном пляже, пришедшие из Индий суда выгружали на берег добычу по смазанным салом бревнам. На пристанях толпились матросы, торговцы, искатели приключений и монахи, там же штабелями высились товары, приготовленные для отплывающих судов и, что гораздо больше возбуждало воображение, товары с судов прибывающих – экзотический аромат нового мира.

В Кадисе также кипела новая жизнь, и не только под защитой крепостного вала – оконечности огромной, выгнутой к северу косы, что защищает эту большую естественную гавань, но и в бухте Пуэрто-де-Санта-Мария, откуда однажды отплыл Колумб. Санлукар, Кадис и Пуэрто-де-Санта-Мария – все они расположены группой на расстоянии нескольких миль друг от друга, приблизительно в шестидесяти милях к югу от Севильи; а примерно на таком же расстоянии к западу от Севильи, на плоской равнине, убегающей к волнистым холмам, расположены илистые бухты Могера, Палоса и Ла-Рабиды на реке Тинто. Они также были охвачены оживлением, импульсами бурно нарождавшейся империи. Открытия и завоевания, мечты о несказанных богатствах, рассказы о кораблекрушениях, штормах и рифах, о золоте, индейцах и странных неизвестных землях – всего этого было более чем достаточно, чтобы разжечь воображение амбициозного юнца восемнадцати лет, твердо намеревавшегося вырвать для себя жизненную нишу.

Кортес отплыл на следующий год с конвоем из пяти торговых судов, направлявшихся в Санто-Доминго, столицу Испаньолы. Кстати, это был год смерти королевы Изабеллы.

¹⁷ «Новый мир» (лат.). (Примеч. перев.)

¹⁸ «Введение в космографию» (лат.). (Примеч. перев.)

¹⁹ Вероятно, имеется в виду Ла-Плата. (Примеч. перев.)

Знания об особенностях навигации в Индиях были в то время еще весьма отрывочны. Это едва ли удивительно, так как Карибское море и Мексиканский залив покрыты сложным узором островов, скал и коралловых рифов. Вдоль изрезанных бухтами берегов Центральной Америки проходят быстрые течения, а с начала сентября до середины октября велика вероятность ураганов. В то время даже такой большой остров, как Куба, все еще считался частью материка.

По прибытии в Санто-Доминго Кортес поселился вместе со своим другом Мединой, одним из секретарей губернатора. Тот посоветовал другу зарегистрироваться здесь в качестве гражданина, что давало право на участок под строительство дома и землю для обработки; это был, безусловно, почерепашьи медленный способ аккумуляирования богатства по сравнению со снедавшей путешественника жаждой золота и честолюбивыми мечтами. Без сомнения, губернатор Овандо дал Кортесу тот же совет, поскольку он выделил ему *repartimiento* и сделал его нотариусом городского совета Асуа. В течение следующих пяти или шести лет Кортес, казалось, был удовлетворен – он занимался торговлей и укреплял свое положение в колонии. В это время он, должно быть, встречался с Писарро, поскольку это было тесное маленькое сообщество. Он чуть не отправился в злополучную экспедицию Никуэзы и Охеды, в которой участвовал Писарро.

От этого его, однако, уберегла некая болезнь, которую секретарь описывает как абсцесс под правым коленом. Другие называют это воспалением лимфатического узла на почве сифилиса. Кортес, поистратив свою энергию, теперь находился в колонии, где женщин его расы почти не было, так что его заболевание было практически неизбежным: говорили, что индианки чаще заражают своих любовников, чем испанки. Он выздоровел, вероятно, благодаря местному средству под названием гуайакан. Но даже самые серьезные последствия этой болезни едва ли могут объяснить загадку останков, эксгумированных в церкви при госпитале Иисуса в Мехико в 1947 году. Их описывают как останки горбатого карлика с неестественно узкой головой, маленьким прямым носом и ограниченной подвижностью правой руки. Поскольку это описание полностью совпадает с изображенным на фреске Диего Риверы чудовищем, напрашивается наиболее вероятное политическое объяснение: современная Мексика сделала все возможное для дискредитации Кортеса. И тело, и изображение на фреске выглядят, конечно, странно по сравнению с описанием Кортеса, которое дал Берналь Диас: «Он был хорошего роста и телосложения, с хорошими пропорциями и сильными конечностями... если бы его лицо было более длинным, он был бы красивее, а глаза его смотрели доброжелательно, но серьезно...» Единственным недостатком, очевидно, был шрам от ножевого ранения на нижней губе, полученный в одном из его любовных приключений и прикрытый бородой, темной и редкой. Кортеса также описывали стройным, с высокой грудной клеткой, хорошей формой спины, но слегка кривоногим, что, без сомнения, объяснялось постоянной верховой ездой.

Портрет молодого Кортеса кисти испанского художника XVII в. заметно контрастирует с картиной мексиканского художника XX в. Диего Риверы, где Кортес изображен уродливым, с алчным блеском в глазах

В 1509 году в Санто-Доминго в качестве губернатора Индий прибыл дон Диего Колумб, наконец установивший свой наследственный титул как сын и наследник человека, открывшего Новый Свет. Двумя годами позже, заселив остров Пуэрто-Рико, он послал Диего Веласкеса с тремя сотнями людей для завоевания Кубы, островная природа которой была наконец доказана, но которая по-прежнему оставалась практически неисследованной. Для Кортеса, сопровождавшего экспедицию, Куба стала воротами в Мексику. На тот момент ему было

двадцать шесть лет, и он по-прежнему служил в администрации помощником казначея, занимавшегося учетом причитавшейся королю пятой части доходов. Аннексия Кубы не заняла много времени. Веласкес был назначен лейтенант-губернатором, а «способный и усердный» Кортес вместе с Хуаном Хуаресом получили на двоих *repartimiento*. Хуарес особым к нему отношением обязан был тому факту, что Веласкес был влюблен в одну из его сестер. Девуцы Хуарес прибыли из Испании в 1509 году с доном Диего Колумбом в поисках богатых мужей, и еще одна из сестер, Каталина, обратила свое внимание на Кортеса.

В теплой тропической атмосфере островов страсти всегда разгораются ярко, и возникающая ситуация напоминала бы чистый фарс, если бы в ней не оказалось скрытых политических течений. Кортес был тогда очень завидным женихом: владельцем шахт, большого количества крупного рогатого скота, овец и лошадей, а также первого дома в новом городе Сантьяго-де-Баракоа. Его склонность к женщинам, однако, отнюдь не сопровождалась желанием жениться на них. Кроме того, его амбиции и положение в новой колонии на Кубе делали его естественным центром интриг для всех тех, кто не был удовлетворен полученными от завоевания выгодами. Кортес мог быть по природе «коварным и осторожным», но теперь он оказался открыт для атаки и в результате различных обвинений помещен Веласкесом под арест и брошен в тюрьму.

Оказавшись перед угрозой суда, причем участвовать в суде должны были люди, которых Гомара называет «ложными свидетелями», Кортес взломал замок, завладел мечом и щитом караульного, вылез через окно и нашел убежище в церкви. Лас Касас дает несколько другое описание происшедшего. По его версии, Кортес был избран группой заговорщиков в качестве представителя и должен был изложить их дело перед испанскими судьями, якобы только что прибывшими на Испаньолу для расследования жалоб, однако его арестовали и едва не повесили.

Далее все происходило как в плохом приключенческом фильме.

Пока Кортес, воспользовавшийся правом убежища в церкви, вынужден был находиться там постоянно, для него была подготовлена ловушка. Оставалось только выманить Кортеса из-под священного крова. Есть сведения, что в качестве приманки использовали саму Каталину. Так или иначе, его снова схватили, снова заковали в цепи и на этот раз поместили на корабль. Он снова сумел освободиться и, поменявшись одеждой с мальчиком-слугой, спустился с борта в корабельную лодку. Дело происходило ночью, кроме того, гавань в это время была почти пуста. Кортес попытался подняться вверх по реке, но не сумел выгresti против течения. Тогда, не решаясь пристать к берегу, он бросил лодку и добрался до берега вплавь. Документы, касающиеся обвинений против губернатора, были, по-видимому, аккуратно привязаны к его голове.

Оказавшись на берегу, Кортес направился напрямик в дом Хуана Хуареса, брата Каталины. Очевидно, он пообещал жениться на девушке (что, как известно, позже и сделал) и попросил Хуареса о посредничестве в примирении с губернатором. Веласкес в тот момент был в карательной экспедиции против очередной раз взбунтовавшихся индейцев. Хуарес снабдил Кортеса оружием и, посоветовав на время вернуться в церковь, повел от его имени переговоры с губернатором. Наконец в походном лагере Веласкеса состоялось примирение. «Они пожали друг другу руки и после долгого разговора легли вместе в одну постель, где их и нашел на следующее утро Диего де Орельяна, явившийся к губернатору с запоздавшим сообщением о побеге Кортеса».

Эти небольшие эпизоды служат иллюстрацией политической жизни Нового Света, и Кортес, похоже, понял, что реальной власти можно достичь только путем независимого командования и успешного завоевания незаселенных земель. Кортес готов был ждать. Его дважды избирали алькальдом Сантьяго, и до конца 1518 года он не делал никаких попыток получить независимую власть.

К этому моменту в Испании также произошло немало важных событий, отразившихся и на заморских колониях. Маленькое королевство Наварра сдалось Фердинанду в 1513 году. В январе 1516 года умер сам Фердинанд. Его сменил на троне внук, шестнадцатилетний Карл, бывший через своего отца также наследником Люксембурга, Нидерландов и Франш-Конте, то есть части Бургундии, а через деда – наследником Австрийской империи Габсбургов; кроме того, вскоре он был избран императором Германии. Его матерью была Хуана, дочь Фердинанда, которая по смерти отца стала королевой Арагона и Неаполя. Великий кардинал Хименес, архиепископ Толедо, был назначен регентом Испании, включая ее владения в Италии, Африке, Франции и Новом Свете. За два года регентства Хименес проделал для юного короля Карла огромную работу по консолидации владений. Поощряя городскую милицию, он сумел предотвратить выступление знати, недовольной правлением короля, зависимого от мнения фламандских советников; он удержал Наварру под властью Испании; на юге укрепил оборону страны. С помощью сильного флота ему удавалось сдерживать средиземноморских корсаров. Он реорганизовал финансы страны, запутанные в последние годы правления Фердинанда, в особенности средства военных орденов, урезал излишние государственные расходы и даже сократил пенсии, назначенные Фердинандом и Изабеллой. В этот короткий период он также нашел время направить на Испаньолу комиссию для расследования положения туземцев и предпринял серьезную попытку прекратить приток негров-рабов в новые колонии. 17 сентября 1517 года Карл высадился в Испании. Вскоре Хименес, достаточно послуживший государю, удалился в свою епархию и умер менее чем через два месяца. Закончилась эпоха, превратившая Испанию в единое государство. Занималась заря новой эры – на этот раз за океаном.

Часть вторая Кортес

Глава 1 Прелюдия к конкисте

Кортес отплыл в страну, названную позже Новая Испания, 10 февраля 1519 года. Ему тогда было тридцать три, и пятнадцать лет, почти половину своей жизни, он провел в Индиях. Он служил нотариусом, секретарем-казначеем Веласкеса, высокопоставленным гражданским чиновником, вел дела в быстро растущей столице колонии, и до этого момента его, казалось, вполне устраивало место на периферии открытий. В Санто-Доминго, столицу Испаньолы, стекались новости обо всем, что происходило в Новом Свете. За экспедицией Пинсона – Солиса 1508–1509 годов, дошедшей в поисках прохода в Азию через Юкатан и Гондурас до бразильского побережья, последовала, между 1509 – м и 1511 годами, закончившаяся катастрофической попыткой Охеды и Никуэзы закрепиться на побережье материка между Венесуэлой и Гондурасом. Наконец, Бальбоа и Писарро основали колонию в Дарьене. К тому времени была покорена Ямайка, а Диего Веласкес, одним из помощников которого служил Кортес, колонизировал Кубу. В 1513 году Понсе де Леон, погубивший здоровье во время двухлетней кампании в Пуэрто-Рико, заблудившись в бесплодных поисках некоего невероятного фонтана юности, после множества лишений открыл Флориду. И, что самое впечатляющее, в сентябре того же года Бальбоа вышел к Тихому океану.

В 1514 году Педрариас прибыл из Испании в качестве губернатора Дарьена, теперь именуемого провинцией Тьерра-Фирме²⁰. С ним прибыл и Берналь Диас, чья необыкновенная книга «Подлинная история завоевания Новой Испании» даст нам возможность увидеть поход Кортеса в Мексику глазами свидетеля. Берналь Диас приходился дальним родственником Диего Веласкесу и потому присоединился к нему на Кубе. Однако после «трех бесплодных лет» в Тьерра-Фирме и на Кубе он снова готов был попытать счастья, когда в 1517 году Эрнандес де Кордова предпринял первую реальную попытку проникнуть на побережье Карибского моря севернее Тьерра-Фирме и колонизировать его.

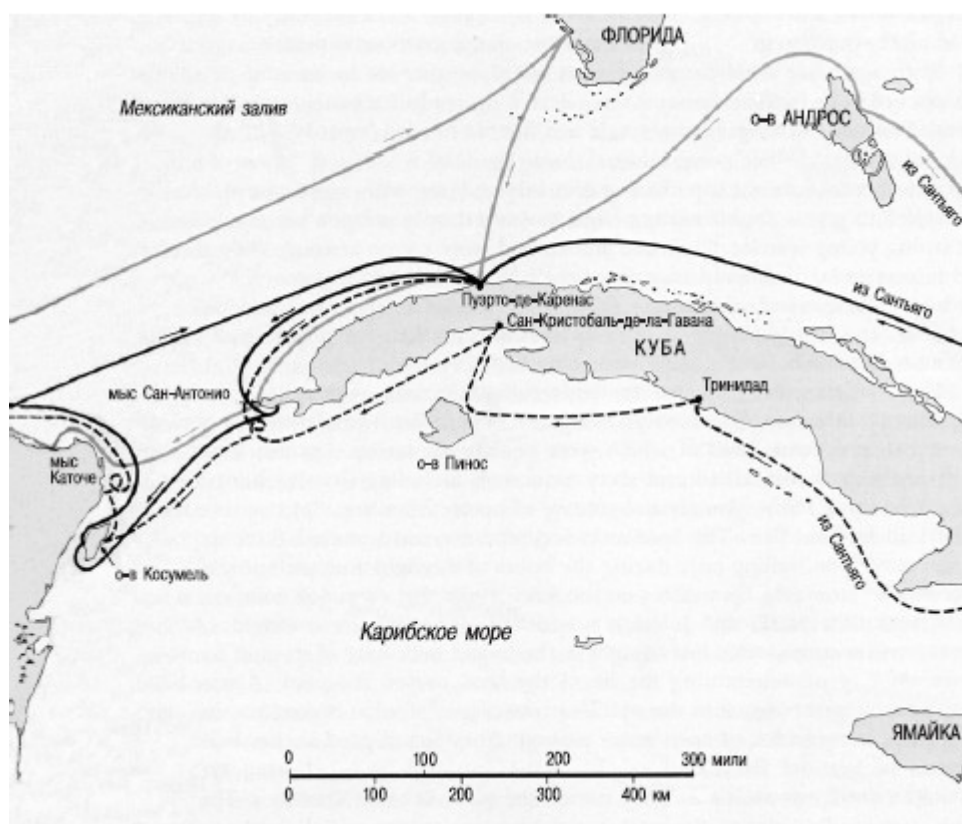
Эта экспедиция Кордовы, в которой участвовало три судна и 110 человек, отплыла о февраля 1517 года, направляясь на Юкатан, расположенный непосредственно напротив мыса Сан-Антонио на западной оконечности Кубы. Однако сначала они, по всей видимости, направились на север, через Большую Багамскую банку к Андросу и другим островам Багамской группы. Веласкес приказал им привезти индейцев в качестве платы за судно, выделенное экспедиции в кредит. Учитывая отношение испанцев к карибам, сомнительно, чтобы руководители экспедиции отказались выполнить этот приказ на основании того, что они не работоторговцы. Однако факт остается фактом: экспедиция не вернулась на Кубу, а направилась вдоль северного побережья к Сан-Антонио, что показывает, что подлинной целью этого рискованного путешествия в опасные и не нанесенные на карты воды был жемчуг.

Как в большинстве экспедиций, отплывавших в поисках золота, жемчуга и новых земель, суда Кордовы в качестве продовольствия везли в основном хлеб из маниоки и свиней, а также были нагружены маслом, бусами и тканями для меновой торговли. Берналь Диас оставил нам детальное описание перенесенных экспедицией испытаний. Обогнув мыс Сан-Антонио, суда направились к западу, в открытое море. У них «не было никаких зна-

²⁰ Тьерра-Фирме – твердая (материковая) Земля (лат.). (Примеч. перев.)

ний о глубинах, или течениях, или ветрах», так что, когда ударил шторм, их «жизни были в большой опасности». Шторм продолжался сорок восемь часов и чуть не погубил суда экспедиции. Наконец им удалось достичь земли у мыса Каточе, где примерно в шести милях от побережья испанцы увидели поселение, превосходящее размерами любое поселение на Кубе. Там были огромные пирамидальные сооружения, поэтому они назвали селение Великим Каиром. Касик (слово в языке карибов, обозначающее местного вождя) внешне повел себя дружески, однако потом завел европейцев в засаду. Разогнав индейцев, они поднялись в «пирамиды». Сооружения эти оказались храмами богов, которым поклонялись индейцы, и в ритуальных помещениях испанцы обнаружили грубо изготовленные золотые и медные украшения и «множество идолов из обожженной глины, причем некоторые имели лица демонов, некоторые – женщин, а другие, равно безобразные, казалось, изображали индейцев, занимающихся содомским грехом друг с другом». Эти сооружения, теокали, – Берналь Диас называет их *cues* – в дальнейшем должны были главенствовать над каждым городом и каждой деревней, покоренными испанцами.

Собрав какую смогли добычу, испанцы взошли на суда и еще пятнадцать дней плыли в Кампече. Они по-прежнему считали, что исследуют остров; но вот они столкнулись с организованными силами индейцев, патрулировавшими побережье. У Кордовы уже чувствовалась нехватка воды – ее всегда не хватало на этих маленьких переполненных судах, медленно продвигавшихся в тропических водах. Испанцы попытались высадиться в нескольких местах, в одном из них были сброшены в море многочисленными силами индейцев, подняли якоря и чуть не потеряли свои суда во время пришедшего с севера шторма, продолжавшегося четверо суток. К этому моменту бочки для воды уже разошлись. Они снова высадились на берег, на этот раз в Чампотоне, сумели набрать некоторое количество воды, но тут же были атакованы индейцами; в этот раз их приходилось двести на одного. Испанцы потеряли пятьдесят человек; сам Кордова был поражен десятью стрелами; им едва удалось отступить на свои корабли. И снова недостаток воды и шквалистый северо-западный ветер; якоря не держат. В конце концов они вернулись на Кубу через Флориду, совершив круг в тысячу или две тысячи миль, имея в своем распоряжении только самые приблизительные карты. Кордова умер от ран. Однако экспедиция имела важное значение: привезенное золото и идола, а также рассказы о больших каменных городах индейцев привлекли все взгляды к Юкатану.

Маршруты экспедиций в Мексиканском заливе

Без сомнения, рассказы участников экспедиции были сильно приукрашены, однако всякий бывавший на Юкатане и видевший остатки тех огромных теокали, поймет, какое сильное впечатление эта страна и ее храмы произвели на людей Кордовы. Привыкшие к виду простых хижин и примитивному образу жизни островных карибов, они вдруг обнаружили расу индейцев, не только много строивших из камня, но искусных во всякого рода ремеслах, особенно в обработке золота и изготовлении изделий из перьев. Более того, они были хорошо вооружены и организованы, их воины обучены сражаться под руководством своих касиков, под бой барабанов, под развевающимися знаменами и султанами из перьев. И хотя они были идолопоклонниками и приносили в жертву не только птиц, но и людей, их религия обладала сложными ритуалами, а жрецы возжигали благовония «из своего рода камеди, которую они называют копаль». Однако, насколько бы преувеличенными ни показались эти истории колонистам Кубы, привыкшим к легкому покорению островных индейцев, сама по себе добыча сомнений не вызывала. Кордова и его люди привезли достаточно добра для доказательства того, что именно на Юкатане испанцев ожидают сокровища, о которых они мечтали со времен Колумба и которые им до сих пор никак не удавалось отыскать.

Веласкес немедленно начал снаряжать новую экспедицию на двух собственных кораблях и двух кораблях, участвовавших в экспедиции Кордовы. Он назначил своего родственника Хуана де Грихальву капитан-генералом, а командирами остальных судов стали Алонсо де Авила, Франсиско де Монтехо и Педро де Альварадо. Все они владели *encomiendas*²¹ – определенным количеством труда индейцев, выделенным им лицензией севильского Совета по делам Индий – и, таким образом, были в колонии важными людьми. Экспедиция отплыла от Сан-Антонио 1 мая 1518 года и через три дня достигла острова Косумель, лежащего у восточного побережья полуострова Юкатан. Затем она направилась на север вокруг мыса Каточе и через восемь дней добралась до Чампотона в заливе Кампече – места, где во время прошлой экспедиции было потеряно столько людей.

И снова мы имеем на борту Бернала Диаса, который может снабдить нас описанием всего происходившего. Индейцы, пишет он, вышли к берегу в полной боевой готовности, вооруженные, как и прежде, луками и стрелами, копьями, простыми и двуручными «мечами», а также пращами с запасом камней. Эти «мечи» были весьма необычны, они были сделаны из дерева, причем лезвия их были шире на конце, чем у рукояти, и снабжены по обеим режущим кромкам бритвенно-острыми обсидиановыми пластинками. Это было смертельное оружие в руках сильного молодого воина. Индейские воины пользовались щитами и защищали свое тело хлопковыми доспехами. У них также были трубы и барабаны, а лица они окрашивали в черный, иногда в красный и белый цвета. Испанцы, наученные прежним опытом, также использовали подбитые хлопком доспехи, а в дополнение к арбалетам и мушкетам установили на носу своих шлюпок небольшие пушки.

Индейцы атаковали испанцев на полях, полных саранчи, которая летела испанцам в лицо, когда они приближались, так что трудно было отличить стрелы от летящей саранчи – и те и другие были равно многочисленны. Испанцы снова понесли серьезные потери: семеро убитых и шестьдесят раненых, включая и самого Грихальву, пораженного тремя стрелами и потерявшего два зуба; но на этот раз побежали индейцы. Испанцы заняли город и оставались в нем три дня, а затем двинулись дальше. Теперь они плыли только в дневное время, на ночь вставая на якоря, так как боялись налететь в темноте на песчаные отмели, тянувшиеся на целые мили от берега.

Продвижение было медленным, навигация трудной, берег представлял собой бесконечную цепь мангровых топей, часто пропадающих из виду во влажной молочной дымке

²¹ Форма эксплуатации индейцев, выраженная в отбывании феодальных повинностей (оброк, барщина в имениях и на рудниках). (Примеч. перев.)

тропической жары. Невозможность определения точного расположения берегов привела к тому, что штурман Аламинос принял большую лагуну в юго-восточном конце залива, что сейчас называется заливом Кампече, за открытый водный проход. Испанцы нашли хорошее укрытие за островом Исладель-Кармен, прикрывающим вход в лагуну, и, считая теперь сам Юкатан островом, назвали это место Бока-де-Терминос. После этого они плыли почти точно на запад. Мелкое море было усеяно ловушками для рыбы. Вооруженные и готовые к сражению индейцы внимательно наблюдали за их передвижением с берега. В устье реки Табаско испанцы снова смогли высадиться на берег, на этот раз на поросшем пальмами мысу. Они оказались примерно в миле от большого индейского поселения Понтончан, где жители уже воздвигали деревянные частоколы для защиты от пришельцев. Как только испанцы стали на якоря, из-за мыса выскочило около пятидесяти пирог, полных воинов в хлопковых доспехах, с луками и стрелами, копьями и щитами, барабанами и перьями. В бухтах наготове осталось еще множество каноэ.

На этот раз, вместо сражения, индейцы пошли на переговоры. Однако когда Грихальва заговорил о великом испанском императоре и короле, они указали ему, что имеют собственного короля, а также три армии по восемь тысяч воинов в каждой, собранные со всех близлежащих провинций для обороны страны. В конце концов индейцы согласились снабдить испанцев провизией на бартерной основе, пока их касики и жрецы решают, быть войне или миру. Состоялось решение в пользу мира, и на следующий день около тридцати индейцев вошли в лагерь под пальмами, нагруженные жареной рыбой и птицей, плодами сапота и маисовыми лепешками, а также жаровнями и благовониями. Возжигание благовоний предназначалось богам индейцев, но испанцы не знали этого и не могли понять, почему они должны подвергнуться этому ритуалу. Индейцы принесли также в дар золотые украшения: диадемы в форме уток и ящериц и другие небольшие предметы. Когда испанцы спросили еще золота, они ответили, что у них больше нет, и добавили, что золота много дальше к западу; они постоянно повторяли «Кулуа, Кулуа» и «Мехико, Мехико».

Грихальва, боясь за свои корабли в случае, если с севера ударит шторм, снова посадил на них своих людей и отплыл дальше на запад. Двумя днями позже испанцы подошли к городу Аягуалулько, где береговую линию тщательно патрулировали воины со щитами из черепаших панцирей, блестящими на солнце как золото. Испытывая недостаток в воде, испанцы миновали устье реки Тонала. Несмотря на лишения, они осознавали, что первыми из европейцев видят новые земли. Им приходилось двигаться медленно, так как днища судов успели обрасти водорослями и ракушками, а пассаты теперь чаще дули навстречу, нежели сбоку.

Когда они достигли устья реки Коацакоалькос, погода испортилась, в поисках укрытия пришлось зайти в бухту, и там испанцы впервые увидели величественный горный хребет Сьерра-Мадре-Оксиденталь. Если оставались еще сомнения в том, что земля эта – материк, то увенчанные снегом пики рассеяли всякие сомнения.

В устье следующей крупной реки, Папалоапана, Педро де Альварадо, человек отчаянный и бесшабашный, ввел свой корабль в одиночку, вопреки приказам Грихальвы; после этого все четыре судна держались вместе, пока не достигли реки Хамапа. Это место находится немного не доходя до современного города Веракрус, а чуть к северу от реки имеется хорошее укрытие для кораблей между отмелей под Пунто-Мокамбо. Здесь индейцы буквально приветствовали испанцев, и Грихальва сошел на берег, разговаривал с касиками и выменял украшений из золота низкой пробы на 16 000 песо. Именно здесь он наконец именем Веласкеса объявил эту страну владением испанской короны.

При следующей остановке на острове в пяти милях от берега испанцы, высадившись, обнаружили два храма, оба каменные. Ступени обоих храмов вели вверх к алтарям, увенчанным идолами дьявольского вида, которым только что были принесены в жертву пятеро

индейцев. «Их груди были вскрыты, их руки и ноги отсечены, и стены этих зданий были покрыты кровью». Испанцы называли его остров Жертвоприношений. Они снова направились к материку и встали лагерем на пляже. Позади них лежала плоская песчаная равнина – страна невысоких дюн. Индейцы снова пришли на берег обмениваться товарами, а не воевать, но, как и в Мокамбо, принесли мало золота. Тот факт, что погода держалась хорошая, имел теперь мало значения, поскольку суда испанцев были прикрыты лежащими дальше в море отмелями и еще одним островом, вытянувшим свой изогнутый, низкий, покрытый пальмами «палец» до середины бухты. На нем также стоял пирамидоподобный теокали с большим безобразным идолом, называемым Тескатлипока. Ему служили четыре жреца в «черных одеяниях и капюшонах, очень похожих на одеяния наших доминиканцев». Только в этот день они вскрыли грудь двум мальчикам и принесли их кровь и сердца в жертву идолу. Когда их спросили, почему они совершили это жертвоприношение, жрецы ответили, что так приказал народ Кулуа. Индеец, исполнявший роль переводчика, произнес это название невнятно, оно звучало как Улуа, поэтому испанцы называли этот остров Сан-Хуан-де-Улуа.

Берналь Диас объясняет неудачу Грихальвы в его попытках основать поселение тем, что у него было недостаточно солдат, причем тринадцать из них умерли от ран, а еще четверо стали калеками. Кроме того, их хлеб из маниоки покрылся плесенью и был полон жучков. В общем, им досталось. Они находились в плавании уже примерно четыре месяца, причем большую часть этого времени исследовали новые земли. Сейчас они стояли лагерем в дюнах, над бухтой, которая позже должна была превратиться в огромный порт, и москиты буквально сводили их с ума. Вряд ли удивительно, что руководитель экспедиции решил отослать Альварадо на «Сан-Себастьян» назад на Кубу. «Сан-Себастьян» был самым надежным судном экспедиции, и с Альварадо отправилась большая часть золотых украшений, полученных в результате меновой торговли. Возможно, Грихальва надеялся, что вид добычи побудит Веласкеса выслать подкрепление. Наступил сезон ураганов, и одно из судов экспедиции дало течь. Лагерь располагался к северо-западу от Сан-Хуана-де-Улуа, и увенчанные снежными шапками горные пики, казалось, подошли ближе, напоминая, что это не остров, а большая страна. Множество небольших индейских городков, виденных испанцами с моря и при высадке на берег, следовало рассматривать только как пограничные заставы более внушительных городов, расположенных в глубине материка. Завоевание и тем более заселение этой земли с такими малыми силами должно было казаться совершенно нереальным. Когда же около двадцати больших каноэ попытались угнать самое маленькое из судов экспедиции, в то время как вся флотилия стояла на якоре, испанцы посоветовались и решили вернуться на Кубу, пока они еще в состоянии это сделать.

Во всех испанских исследовательских экспедициях обычно все важнейшие решения принимались на демократической основе, и это было важным наследием собственной истории Испании. Это было верно и в отношении английских искателей приключений времен Тюдоров и Елизаветы, поскольку даже самый сильный лидер не в состоянии навязать людям свою волю в обстоятельствах опасности и полной изоляции. Для успеха экспедиции все участники ее должны были действовать согласованно.

Испанцы повернули к дому и с преобладающим попутным северным ветром совершили быстрый переход до Коацакоалькоса, но погода оказалась настолько плохой, что они продолжили путь и укрылись в устье реки Тонала. Здесь одно из экспедиционных судов село на бере на мель, и его пришлось кренговать – вытаскивать на берег для ремонта. К счастью, индейцы казались дружески настроенными, и испанцы смогли заняться торговлей, выменяв, среди прочих вещей, шесть сотен топоров, блестевших так ярко, что испанцы приняли их за сделанные из золота низкой пробы. Один из солдат совершил набег на какой-то храм, и Диас пишет, что он посадил рядом с пирамидой несколько апельсиновых зернышек. Затем

они отплыли на Кубу, на этот раз не отклоняясь от маршрута, и прибыли в Сантьяго после сорока пяти дней борьбы с северо-восточным пассатом.

Грихальва открыл дорогу в Мексику. Он отослал в колонию на 20 000 песо золота и за шесть месяцев достиг большего, чем почти все другие экспедиции, не потеряв ни одного судна и только тридцать человек убитыми. И все же Веласкес оценил экспедицию как неудачную. Такое отношение губернатора было продиктовано сложной политической ситуацией, в которой он оказался в тот момент из-за своих амбиций. В 1518 году политическая ситуация менялась стремительно, как на островах, так и дома, в Испании. Карл V был королем уже два года. Ему было всего восемнадцать лет, и он по-прежнему находился под очень сильным влиянием своих фламандских советников. Он плохо знал свое испанское королевство и совсем не понимал, что происходит на новых землях за океаном. Он только что был избран императором Германии. Вместе с принадлежавшей ему империей Габсбургов это делало Карла самым могущественным монархом в Европе. В этот момент он находился в Барселоне и уже успел без малейших раздумий подарить Юкатан своему фламандскому адмиралу. Ситуация же в Новом Свете по-прежнему оставалась весьма неустойчивой. Веласкес на Кубе и Франсиско де Гарай на Ямайке – оба губернатора зависели в своих полномочиях от дона Диего Колумба и Совета по делам Индий в Севилье, а Диего Колумб сам вынужден был оказывать постоянное давление на двор молодого короля, чтобы сохранять свои права как вице-короля и генерал-губернатора всех земель за океаном – должности, пожалованной навечно его отцу и его наследникам в 1492 году Фердинандом и Изабеллой.

Только на фоне этого постоянного политического маневрирования можно понять поведение Веласкеса в отношении Грихальвы. Когда наступил сезон ураганов, а Грихальва не вернулся, Веласкес обеспокоился за безопасность экспедиции и послал на ее поиски Кристо-баля де Олида на каравелле. Олид попал в шторм, чуть не потерпел крушение у берегов Юкатана и наконец вернулся на Кубу, так и не встретившись с Грихальвой. Тем временем прибыл Альварадо на «Сан-Себастьяне» с ранеными и достаточным количеством золота, чтобы возбудить алчность наименее корыстолюбивого из губернаторов. Веласкес немедленно начал готовить другую, более крупную экспедицию. В то же время, чтобы укрепить свое положение на Кубе и установить свои права на Юкатан, он посылает своего капеллана Бенито Мартина в Испанию с лучшими из золотых украшений, привезенных Альварадо.

Чтобы добиться избрания императором Германии, Карлу пришлось подкупить двенадцать выборщиков. Ему отчаянно не хватало денег, и он с радостью был готов вознаградить человека, обеспечившего его таким своевременным и неожиданным источником дохода. Он и его советники, однако, более чем смутно представляли себе географию Нового Света, поэтому дарованные ими титулы имели обыкновение противоречить друг другу. Лас Касас пишет, что Веласкес был утвержден в звании *adelantado*²² одной только Кубы, тогда как Овьедо, бывший в это время в Барселоне, утверждает, что его сделали также губернатором всех открытых им земель. Это означало Юкатан; а чтобы окончательно запутать этот вопрос, Гарай, похоже, также был назначен губернатором Юкатана на том основании, что он посылал туда экспедицию с Ямайки. Более того, был и еще один претендент – фламандский адмирал, которому Карл еще раньше пожаловал эту территорию. Он отправил туда пять судов с крестьянами-поселенцами, чтобы основать колонию, однако к тому моменту Диего Колумб смог наконец восстановить свои наследственные права. Он отказался пропустить эти корабли.

Так выглядела ситуация, когда Грихальва наконец прибыл в Сантьяго. Он мог немного добавить к необычайной и захватывающей истории, рассказанной Альварадо. Заслуженный

²² Организатор вооруженной экспедиции для завоевания новых земель, заранее получивший право управления ими от имени короля. (Примеч. перев.)

им прием уже достался его лейтенанту. Даже шесть сотен «золотых» топоров оказались сделанными из меди. Веласкесу, чтобы поддержать свои притязания на губернаторство, отчаянно нужна была колонизация, и этой главной цели Грихальве достичь не удалось. Поэтому он больше не был нужен своему родственнику, чья энергия уже была полностью обращена на подготовку новой экспедиции. У него были корабли и люди; ему не хватало только нужного человека, чтобы их возглавить, – человека, который, даже не имея полномочий на завоевание и заселение страны – а несчастный Грихальва конечно же тоже не имел таких полномочий, – все же фактически делает это.

Слева: Диего Веласкес, губернатор Кубы; *справа:* главный порт и столица острова

Занимая центральную позицию – он был алькальдом, или мэром, кубинской столицы, – Кортес наблюдал за развитием этой ситуации с большим, чем обычно, интересом. Он поджидал подходящего момента уже четырнадцать лет, а возникшую политическую мешанину и путаницу человек с его юридической подготовкой и скрытой до той поры способностью к лидерству вполне мог обернуть себе на пользу. Веласкес, по-прежнему хитрый и готовый к политической борьбе, заплыл жиром; он стал слишком ленив физически, чтобы самому возглавить экспедицию. Он всегда был силен своей способностью использовать других людей и никогда не стал бы рисковать собственными деньгами, если мог убедить других сделать это за него. Кортес тоже был осторожен и тщательно следил за своими фермами и шахтами. Ему в этот момент было тридцать три года, и он был богат. Более того, общаясь с лидерами и участниками всех уже состоявшихся экспедиций, он накопил огромный запас знаний и опыта, добытого за счет других. Для Кортеса наступил решающий час в судьбе.

Согласно Берналю Диасу, чтобы получить командование экспедицией, Кортес вынужден был заключить тайное соглашение о разделе доходов с секретарем Веласкеса Андресом де Дуэро и королевским бухгалтером Амадором де Ларесом. Правда это или нет, но и сами по себе его способности лидера, его проницательность и превыше всего его богатство делали кандидатуру Кортеса естественным выбором для амбициозного и прижимистого губернатора. При назначении капитан-генералом Кортес смог заложить свою *encomienda* за 4000 золотых песо и еще столько же занять у торговцев Сантьяго. Отдав все свое состояние на успех предприятия, он не только почти полностью освободил Веласкеса от расходов на снаряжение флотилии, но и дал ясно понять, что пойдет в колонизации до конца, вне зависимости от наличия или отсутствия законной санкции короны. Что же до его лояльности Веласкесу, то их родственные связи через брак Кортеса с Каталиной – Веласкес также был крестным отцом их дочери – гарантировали его верность губернатору.

Тем не менее назначение Кортеса главой экспедиции (так же как выбор губернатором на это место любого другого человека) должен был непременно вызвать зависть и расколоть на части такое маленькое изолированное сообщество. По крайней мере три члена семейства Веласкес считали, что имеют право на этот пост. Многие из участников последней экспедиции хотели, чтобы Грихальва снова был их лидером. Серьезную поддержку имел также Васко Поркальо. Поговаривали, что губернатор «боялся, что Поркальо может поднять флотилию против него, так как он был отчаянным человеком». Таким человеком был и Кортес, о чем Веласкесу пришлось позже вспомнить, но было уже слишком поздно.

Соглашение между Кортесом и Веласкесом было подписано 23 октября 1518 года, еще до того, как Грихальва и даже Олид вернулись с Юкатана. Несмотря на заинтересованность Веласкеса в завоевании и организации новой колонии, никаких специальных инструкций на этот счет в документе нет. Исследования и открытия, обращение аборигенов в христианскую веру и признание ими главенства испанской короны – вот заявленные цели экспедиции. Запрещены всякие плотские отношения между испанскими солдатами и женщинами некоего вероисповедания. При присоединении новооткрытых частей «острова» предписано соблюдать максимальную торжественность. Предусматривалась в соглашении и полезная маленькая хитрость, дававшая Кортесу право принимать любое решение в интересах Бога и короля. Испанцы, и в особенности испанские колонисты, были большими мастерами служить своему королю, не забывая и о собственных интересах, и захватывающая история этого похода тому подтверждение. Даже если человек действовал вопреки инструкциям короны, он тем не менее мог с полнейшей серьезностью заявлять, что делал все в соответствии с королевской волей и именем короля. Как пишет Берналь Диас, «документ этот был написан наилучшими чернилами».

Из дальнейших действий Кортеса явствует, что сам он рассматривал этот документ как лицензию на продвижение собственных интересов. У него были два штандарта и знамена, «расшитые золотом, с королевским гербом и крестом на каждой стороне и девизом: «Братья и товарищи, последуем же за знаком Святого Креста с истинной верой, ибо под этим знаком мы победим». Его прокламация, зачитанная под звуки фанфар по всей Кубе от имени императора Карла, а также Веласкеса и от его собственного, объявляла, что те, кто последует за ним на новооткрытую землю, чтобы «завоевать и поселиться», получают долю всего золота, серебра и другой добычи, а также *encomienda*, как только страна будет замирена. Интригующие истории, рассказанные Альварадо, способствовали тому, что люди толпами устремились за золотом. Богатые поселенцы продавали свои фермы, чтобы купить оружие и коней. Вся Куба кипела.

Кортес приобрел бригантину и две каравеллы, одну из них ту, на которой вернулся Альварадо. Веласкес дал еще одну бригантину и припасы на сумму в 1000 золотых песо, занятых в имении Панфило де Нарваэса, бывшего в то время в Испании. Таким образом, именно Кортес, а не губернатор, на глазах у всех без оглядки тратил свои деньги на оружие и снаряжение, провизию и товары для меновой торговли. Он наблюдал в свое время, как с большими надеждами отправлялось множество экспедиций только для того, чтобы вернуться побитыми и измотанными. Сам он был настроен решительно и намеревался добиться, чтобы на этот раз ничто не оказалось забыто или упущено из виду, и меньше всего губернатор. Кортес все время держался рядом с ним, зная, что клан Веласкесов делает все возможное, чтобы подорвать его положение. Они даже подкупили шута губернатора, и тот прервал воскресную церковную процессию выкриком: «Будь осторожен, Диего, а то он может сбежать с твоей флотилией».

В конце концов Кортес именно так и поступил, поскольку Веласкес, всегда очень ревностно относившийся к собственной власти и к собственному положению, начал беспокоиться, наблюдая за эффектными сборами своего капитан-генерала и за тем, как под его зна-

мена сбегается весь остров. Описания разнятся между собой, но можно с уверенностью предположить, что трещина в их отношениях возникла вскоре после подписания соглашения. Кортес, обладавший развитым драматургическим чутьем, позаботился о том, чтобы одеться в соответствии с ролью, которую ему предстояло играть: надел «султан из перьев, медальон и цепь из золота, а также бархатное платье, отделанное золотом» и ходил только в сопровождении большой вооруженной свиты. Меньше чем через месяц в гавани Сантьяго стояло шесть его судов и собрано было около трех сотен человек. Поскольку Веласкес вложил в снаряжение экспедиции очень немного собственных денег и только одно судно, анти-кортесовская оппозиция с легкостью играла на страхах губернатора, особенно после того, как тот настроил против себя Грихальву, удалившегося со своими четырьмя судами в Тринидад, порт на южном побережье Кубы.

Кортес, на долгом опыте хорошо знакомый с особенностями ума губернатора, поторопился с последними приготовлениями. Неожиданное и спешное отплытие было единственным способом предотвратить снятие с поста командующего экспедицией. Ночью 17 ноября 1518 года он приказал своим людям подняться на борт и на следующее утро поднял якоря, забрав с городской бойни все имевшееся там мясо и попрощавшись с Веласкесом с борта вооруженной шлюпки в окружении самых верных ему людей.

Покинув Сантьяго, Кортес все же не считал еще свою экспедицию состоявшейся. Сперва он отправился в Тринидад, где поселился вместе с Грихальвой и с помощью щедрых посулов и десятидневных лихорадочных усилий завербовал около двух сотен солдат, только что вернувшихся с Юкатана. Он также собрал под свои знамена лучших капитанов – там были Монтехо, Сандоваль, четверо братьев Альварадо, включая и отчаянного Педро, Хуан Веласкес де Леон и Алонсо Эрнандес Пуэртокарреро, ставший впоследствии его ближайшим доверенным лицом. Он даже убедил Грихальву позволить ему использовать его собственные четыре судна, а Ордас «захватил» для него еще одно, нагруженное припасами и принадлежащее богатому торговцу Хуану Нуньесу Седеньо, которого также убедили принять участие в экспедиции.

Тем временем Веласкес, уже серьезно обеспокоенный, посылает к Ордасу, принадлежавшему к его собственной свите, двух курьеров с приказами для Вердуго, алькальда Тринидада, арестовать Кортеса. Однако Ордас, кажется, сам убедил Вердуго проигнорировать этот приказ, а Кортес даже завербовал одного из курьеров к себе на службу. Второго он отослал назад с традиционными заверениями, что все будет сделано в соответствии с волей короля. Посадка на мель собственного судна Кортеса дала Веласкесу еще одну возможность остановить его. Капитан-генерал высадился на берег в Сан-Кристобаль-дела-Гавана в поисках провизии, однако все, что смог сделать лейтенант губернатора в этом городе, – это написать в отчете, что он «не осмелился арестовать Кортеса, так как его сопровождало множество солдат». Попытки способствовать расколу флотилии и взятию Ордасом командования на себя также не удались, Кортес просто отослал Ордаса в экспедицию на поиски новых припасов. Результатом всего этого явилась глубокая трещина в отношениях губернатора и его капитан-генерала, трещина, которая позже неизбежно должна была привести к серьезным последствиям.

Когда Кортес 10 февраля 1519 года наконец отплыл, у него было одиннадцать судов водоизмещением от семидесяти до сотни тонн, пятьсот восемьдесят солдат и около сотни матросов, а также две сотни кубинцев, несколько негров, несколько индианок и, что важнее всего, шестнадцать жеребцов и кобыл. Ничего не оставляя на волю случая, Кортес заранее приказал всем судам собраться у мыса Сан-Антонио и дальше двигаться всем вместе к острову Косумель. Почему он решил плыть к Косумелю – а это означало, что позже ему придется, борясь с преобладающими северными ветрами, огибать мыс Каточе, – нигде не объясняется, однако именно этим путем следовал Грихальва, и Кортес, без сомнения, хотел

прощупать настроения береговых индейцев там, где он мог еще отступить на островную базу. В любом случае отправиться напрямик на Сан-Хуан-де-Улуа означало бы подвергнуть свое недисциплинированное еще воинство значительно более длительному морскому переходу и к тому же иметь с подветренной стороны опасные мангровые топи Юкатана.

С самого начала поведение Кортеса резко отличалось от поведения любого другого руководителя экспедиции.

Одним из первых своих приказов по прибытии на Косумель он велел заковать в цепи Камачо, штурмана судна Педро де Альварадо, за то, что тот не подчинился приказам и вышел в море, не дождавшись остальных судов флотилии. Кроме того, он приказал людям Альварадо, ограбившим деревню, вернуть захваченную ими добычу. Жителям деревни подарили бусы и велели просить касика ближайшего города нанести визит в лагерь испанцев. Проводились также постоянные проверки, осматривались пушки, мушкеты и арбалеты, люди практиковались в стрельбе и тренировали лошадей.

Флотилия снова пустилась в путь только 4 марта. К тому моменту Кортесу удалось сформировать из своих людей нечто, напоминающее дисциплинированную силу. Все это время он общался и торговал с местными жителями, а поскольку Косумель был местом паломничества и поклониться идолам туда приезжали касики из многих городов Юкатана, к моменту отплытия он многое узнал о стране из первых рук. Если бы он разрушил идолов и воздвиг на их месте крест, об этом, как ему хорошо было известно, говорили бы по всему Юкатану. Он же проводил политику «холодной войны», направленную на смягчение сопротивления, и предоставлял самому времени воздействовать на умы местных жителей.

Находясь на Косумеле, Кортес привлек в свои ряды некоего испанца по имени Агилар, который вместе еще с пятнадцатью моряками потерпел там крушение восемь лет назад на пути с Дарьена в Санто-Доминго. Агилар оказался полезным приобретением, поскольку все это время находился в рабстве у индейцев и говорил на языке табасков, и именно Агилару Кортес, как полагают, сделал очень о многом говорящее замечание: когда бывший раб предложил отвести его в место, где можно найти некоторое количество золота, Кортес ответил, что не гонится за подобной мелкой выгодой, а находится здесь с целью служить Богу и королю. Под этим, разумеется, подразумевалось, что Кортес заинтересован только в полном завоевании.

Должно быть, невероятно трудно было держать флотилию из одиннадцати судов вместе вблизи низкого берега, изобилующего не нанесенными на карты мелями, где северный ветер в любой момент мог задуть с ураганной силой. Даже огибая мыс Каточе, Кортес вынужден был дважды возвращать всю свою флотилию, чтобы не потерять отставших. И все это время он изучал всевозможные заливы и изгибы берега, проверяя открытия Грихальвы, и сам исследовал новые земли. Бока-де-Терминос казался подходящим портом для организации поселения, и вперед на разведку был послан Эскобар, капитан быстрого, мелко сидящего в воде судна. Он обнаружил, что земля в этом месте плодородна и богата дичью. Он также нашел здесь борзую суку, оставленную людьми Грихальвы или, может быть, Кордовы. Собака выглядела гладкой и упитанной и, завидев суда, сама вышла на берег, помахивая хвостом. Однако когда подошли Кортес и остальные суда экспедиции, они не нашли никаких следов Эскобара. Сильный южный ветер отнес его судно далеко в море, а когда с ним справились, оказалось, что их отнесло назад к точке почти напротив Чампотона, где и Кордова, и Грихальва понесли такие серьезные потери.

Берналь Диас, вероятно, прав, когда пишет, что Кортес хотел высадиться в этой точке и преподать здешним воинственным индейцам урок. Такая акция была бы очень полезной с точки зрения политики, однако в плане навигации место представляло большую опасность: слишком мелкое устье реки не позволяло судам войти, а мели Чампотона вынудили бы суда встать на якорь в нескольких милях от берега. Кроме того, преобладающие ветры способ-

ствовали очень высоким приливом. В любом случае ветер на данный момент был попутным для дальнейшего продвижения вдоль берега, а безопасная якорная стоянка Грихальвы в устье реки находилась на расстоянии всего трех дней пути.

Этой стоянки достигли 12 марта, причем более крупные суда встали на якорь немного мористее, а мелкие суда, заполненные солдатами, укрылись за островом, который в наше время называется Бальиция. Здесь, в более спокойных водах, солдаты пересели в лодки и направились на веслах вверх по реке, чтобы высадиться на том самом поросшем пальмами мысу, на котором высаживалась экспедиция Грихальвы. При этом они оказались примерно в миле от индейского города Потончана, который позже назвали Табаско по имени касика этого района. Однако жители Табаско, отнесшиеся к Грихальве дружески и давшие ему золота, на этот раз были настроены враждебно. Берег реки и мангровые топи кишели вооруженными воинами, многие из которых были на каноэ, а в самом Табаско их собралось еще около двенадцати тысяч. Кортес послал Агилара в город, чтобы тот попытался убедить индейцев позволить его людям высадиться, набрать воды и купить продуктов, но жители Табаско были настолько затравлены жителями Чампотона за их неспособность отбить нападение людей Грихальвы, что твердо решили не допустить высадки.

Итак, мы подходим к первому из многих сражений, которые вынуждено было вести небольшое воинство Кортеса. Утром 13 марта отслужили мессу, и люди заняли места в лодках. Авила с сотней людей отправился атаковать город, тогда как Кортес с остальными остался в долине реки. Навстречу им вышли каноэ, и Кортес снова остановился для переговоров, пытаясь через Агилара добиться разрешения на мирную торговлю, говоря о Боге и короле, которому он служит, и внимательно следя за тем, чтобы Диего де Кодой, королевский нотариус, записал все его мирные предложения. Однако все было бесполезно, и при попытке высадиться испанцы были встречены дождем стрел с обожженными наконечниками. В ответ на воинский клич «Сантьяго» раздался воинский клич индейцев «Аль калачи-они», что означало призыв убить самого Кортеса. Но огнестрельное оружие и фехтовальное искусство испанцев постепенно позволили им получить преимущество, и, когда город был наконец взят, Кортес собрал своих людей на центральной площади крепости, где располагались большие общественные здания и три храма с идолами. Здесь, в присутствии своих солдат и королевского нотариуса в качестве свидетелей, он формально объявил о взятии этой земли во владение именем короля.

В этой небольшой стычке было ранено четырнадцать испанских солдат, однако в ходе только что начавшейся кампании конкистадоры, казалось, рассматривали раны всего-навсего как временное неудобство. Только мертвые считались потерями. Остальные шли вперед и сражались, и если не умирали, то раны их заживали.

Именно здесь, в Табаско, сбежал Мельчиор, индеец– переводчик. По его совету индейцы предприняли крупномасштабную атаку на испанский лагерь на мысу. Но к этому моменту Кортес успел высадить на берег лошадей. После долгого заключения в тесных корабельных клетушках лошади чувствовали себя скованно и почти боялись двигаться. Тем не менее на них надели увешанные колокольчиками стальные нагрудники, рыцари также облачились в стальные доспехи и вооружились копьями. Эта маленькая кавалерия составляла наиболее мощную силу Кортеса – в XVI веке это был эквивалент современного броневого подразделения, тем более что боевые кони не были знакомы индейцам. Численное превосходство индейцев над испанцами составляло триста к одному, стрелы и камни из пращей сыпались словно град, и, когда Меца, начальник артиллерии, выстрелил из своих пушек, индейцы начали подбрасывать в воздух землю и солому, чтобы скрыть вызванный выстрелами хаос. «В этой битве на каждого из нас приходилось столько индейцев, что поднятая ими пыль ослепила бы нас, если бы Господь в своем неизменном милосердии не пришел нам на помощь». В этой фразе нет ничего надуманного или искусственного. Испанцы по-преж-

нему сражались в крестовом походе и непоколебимо верили, что являются воинами Христа и что Бог на их стороне.

Пятерых индейцев, включая двух военных вождей, захватили в плен. Кортес освободил вождей и направил их обратно в город с дарами, велел объяснить касикам, что он пришел с миром. К этому моменту он уже знал, что материковые индейцы слишком многочисленны, чтобы завоевать их силой. Каждый погибший испанец, каждая павшая лошадь были для него невосполнимой потерей. Дипломатия – железный кулак в бархатной перчатке, – только она могла стать ключом к завоеванию; Кортес первым из руководителей экспедиций в Индиях осознал это, а его характер и подготовка были таковы, что позволили осуществить намеченное. Обман и вероломство были понятны и индейцам – они были частью и их натуры. Индейцы направили в лагерь испанцев несколько рабов в изорванных одеждах с зачерненными лицами и немного продовольствия в подарок, однако Агилар, успевший уже понять, как мыслит его предводитель, отправил их обратно с требованием, чтобы касики пришли сами и принесли надлежащие дары. Они пришли на следующее утро с птицей, рыбой, фруктами и маисовыми лепешками, а также с просьбой, чтобы им позволили похоронить их мертвых, пока жаркое солнце не заставило тела разлагаться или их не съели ягуары. Индейцы потеряли убитыми около восьмисот человек. Кортес воспользовался случаем устроить демонстрацию.

Всего пришло тридцать касиков, и он принял их в полдень около своей палатки. Было очень жарко и тихо, в воздухе стоял тяжелый запах копаля, который жгли индейцы, окуривая собравшихся испанцев. За палаткой, возле которой стояли касики, была спрятана только что ожеребившаяся кобыла. После того как Кортес ошеломил касиков упреками, продемонстрировал им свой гнев и заявил, что все они вассалы могущественного императора Карла, он подал сигнал, и совсем рядом выпалила самая большая пушка. Вперед вывели самого горячего жеребца во всей флотилии, и он, чуя кобылу, рыл копытом землю и ржал, дико закатывая глаза и глядя прямо на индейцев.

Все это выглядело очень по-детски, очень театрально, и тем не менее это была сильнейшая и наиболее эффективная демонстрация силы – ведь рядом с Кортесом ряд за рядом стояли его вооруженные люди, а вблизи берега виднелись большие корабли. Касики были в ужасе.

Результатом всего этого стал мир и изобилие пищи. Но Кортес не довольствовался локальным выигрышем. Он знал, что у индейцев есть рисуночное письмо и что все, что он делает и говорит на побережье, докладывается посредством его в центр; в рисунках поставленная им сцена должна была выглядеть особенно эффектно. Фактически это была пропаганда по типу «холодной войны», и в царивших тогда обстоятельствах, о которых Кортес не имел никакого понятия, она должна была оказаться совершенно сокрушительной.

Для колонизаторских методов Кортеса вполне характерно, что первым же приказом он велел касикам вернуть людей в город в знак мира. Этот жест и обеспечивавшаяся им атмосфера нормальной жизни играли важную роль в его планах. Также он приказал индейцам бросить своих идолов. И здесь было не меньше политики, чем стремления обратить в свою веру, поскольку разрушение символов унаследованной от отцов веры подрубало самые корни уверенности индейцев. Кортес показал индейцам картинку Богоматери и Младенца, и они с абсолютной покорностью попросили отдать ее им, чтобы они могли хранить ее. Как всегда, он сумел таким образом срежиссировать эту сцену, что просьба поступила от самих индейцев, и вот тогда он воздвиг алтарь и установил большой крест. Изучая индейцев, он понял и причину их враждебности – на битву их толкнул касик Чампотона. Кортес приказал, чтобы этого человека доставили к нему. Их ответ был поразителен: тот касик уже был принесен в жертву за то, что дал такой плохой совет! На следующий день город был переименован

в Санта-Мария-дела-Виктория, крест установлен, и капеллан экспедиции фрей²³ Бартоломе де Ольмедо отслужил мессу в присутствии всех важных людей города, а затем крестил их.

Кортес не забывал и о финансовой стороне экспедиции. Однако каждый раз, когда он требовал в дар золото или драгоценности, ему отвечали словами «Кулуа» и «Мехико».

В то время эти слова для него ничего не значили. Тем не менее ему подарили двадцать женщин, и, памятуя о запрещении его людям сожительствовать с язычницами, он велел их всех крестить и раздал своим капитанам. Тогда он не сознавал этого, но эти подаренные женщины были для него гораздо ценнее золота, поскольку среди них была «знатная леди и касик над городами и вассалами с самого своего детства». В крещении она получила имя Марина, а в связи с высоким рождением ее называют всегда только доньей Мариной. Поскольку она была хороша собой и к тому же принцесса, Кортес отдал ее своему другу Алонсо Эрнандесу Пуэртокарреро. На протяжении всей кампании Кортес твердо придерживался буквы инструкций, касающихся сожительства с аборигенками. Сначала их следует крестить, и тогда они приобретают статус *bagagana* – своеобразный испанский термин, в сущности означавший легальный институт любовниц. Таким образом донья Марина стала женой Пуэртокарреро в глазах всех, кроме церкви. Этой энергичной и умной женщине, быстро выучившей испанский, суждено было оказать огромное влияние на историю конкисты, поскольку она говорила на языке науатль, на котором говорили ацтеки как Кулуа, так и Мехико. Агилар говорил только по-табаскански, так что по мере продвижения экспедиции в глубь материка донья Марина заменяла и вскоре сменила его в качестве «языка» Кортеса.

Флотилия отплыла в понедельник перед Пасхой и четыре дня спустя прибыла в Сан-Хуан-де-Улуа, где Аламинос поставил суда на якорь под высоким берегом острова, в месте, защищенном от северных шквальных ветров. Две пироги отошли от берега и направились непосредственно к флагману. Для индейцев вся эта сцена, должно быть, выглядела совершенно фантастически: огромные караки с высоко поднятыми носом и кормой тихо скользили по спокойным водам, остававшимся прежде, если не считать визита Грихальвы, пустынными на протяжении столетий, а в центре шел корабль Кортеса с королевским штандартом и играющими в солнечных лучах вымпелами.

От этих индейцев Кортес впервые услышал внушающее ужас имя Моктесумы (см. Примечания автора). Их хозяин, сказали они, является слугой этого великого короля, он послал их узнать цель визита испанцев и снабдить их всем необходимым. В отличие от жителей Табаско они пришли с миром, и это показалось хорошим предзнаменованием, хотя Кортес должен был сознавать, что это посольство озабочено не столько установлением дружеских отношений, сколько прощупыванием силы вторгшегося войска.

К Страстной пятнице все испанцы успели высадиться на берег с пушками и лошадьми. Воздвигнув алтарь, они выслушали мессу среди ослепительного жара песчаных дюн и принялись за работу – заготовку леса и сооружение лагеря. В субботу им уже помогало множество индейцев, явившихся в лагерь с дарами, состоявшими из провизии – птицы, маисовых лепешек и слив, для которых как раз наступил сезон, – и некоторого количества золотых украшений. Послал их Куитлальпиток, управлявший этой провинцией от имени Моктесумы. Оказалось, что именно он год назад нанес визит Грихальве. Он и Теудильи, еще один из чиновников Моктесумы, прибыли в лагерь в пасхальное воскресенье и привезли в дар еще больше продуктов, среди которых на этот раз были и овощи. В те времена цингу считали заразной болезнью, вроде чумы или проказы. Тысячи моряков обречены были умереть в агонии в течение последующих двухсот пятидесяти лет из-за недостатка витамина С в их рационе, однако в Мексике фрукты и овощи были всегда доступны, поэтому хотя бы с этой напастью Кортесу и его людям не пришлось иметь дела.

²³ Фрей – брат (*fray, исп.*), обращение к монаху. (Примеч. перев.)

Поскольку было пасхальное воскресенье, фрей Бартоломе с помощью еще одного священника, падре Хуана Диаса, отслужил мессу. Индейцы с изумлением взирали на происходящее. После этого Куитлальпиток и Теудильи отобедали с Кортесом и его капитанами. Так как индейцы были мешиками, а Агилар не говорил на науатль, в качестве переводчика пригласили донью Марину. Беседовать было довольно сложно, так как Агилару приходилось переводить на табаско, а затем уже донье Марине – с табаско на науатль, однако к концу обеда Кортесу удалось выяснить, что Моктесума является не только единоличным правителем великого города Мехико-Теночтитлана, но и верховным правителем Кулуа, конфедерации городов-государств, лежащих в нескольких днях пути за горами, и что его власть распространяется до самого побережья, так как его воины несколько лет назад покорили район Сан-Хуана-де-Улуа.

Эта информация, почти наверняка сопровождавшаяся прозрачным намеком на огромное количество воинов, которые могут быть выставлены против него, только подтвердила предварительную оценку обстановки Кортесом. Он сможет покорить материковые индейские земли только с помощью Моктесумы. Другими словами, ему придется вести «холодную войну» и полагаться больше на противоборство умов, нежели на силу оружия. Он немедленно начал обрабатывать сознание двух мешиков, пытаясь объяснить им основы христианства и красочно рассказывая о величии и могуществе императора, которому он служит. Его целью было убедить их в желательности скорейшей личной встречи между ним и Моктесумой. Полученный ответ был уклончив, однако в доказательство доброй воли Теудильи преподнес Кортесу ларец, полный золотых предметов, а также десять штук полотна, расшитого сверкающими перьями. Это были дары от самого Моктесумы. Также мешики предоставили испанцам большое количество продовольствия – птицу, фрукты и жареную рыбу. Это означало мир, по крайней мере на ближайшее время.

Это было лучше, чем сражение, но не удовлетворило Кортеса, поскольку ему не удалось пока приблизиться к цели экспедиции. Однако двое губернаторов привели с собой нескольких рисовальщиков, и те все время визита без усталости рисовали на ткани – суда, пушки, детали религиозной церемонии, даже портреты Кортеса и его капитанов. Это была еще одна возможность эффектной демонстрации силы. Кортес велел заложить в пушки самый большой заряд и выпалить из них под носом у мешиков; всех лошадей с колокольчиками на стальных нагрудниках провели парадом, а затем Альварадо со своей маленькой кавалерией яростно проскакал галопом по слежавшемуся песку на кромке моря. Рисовальщики зафиксировали все это.

Затем произошло нечто странное. Теудильи заметил на одном из солдат позолоченный, но довольно ржавый шлем, попросил дать ему возможность рассмотреть его поближе и, рассмотрев, сказал, что хотел бы показать его своему господину, великому Моктесуме. Кортес намекнул, что его императору было бы приятно получить шлем назад наполненным самородками или песчинками золота; просьба эта имела целью проверить качество индейского золота и способ, которым они его получают.

Через семь дней он получил шлем назад наполненным до краев добытым из шахты золотом, маленькими крупинками высокого качества, ценностью в 3000 песо. Теудильи сам привез шлем Кортесу. За неделю он успел совершить путешествие в Мехико-Теночтитлан, доложить обо всем своему господину и прибыть обратно на побережье в сопровождении мешикского принца по имени Кинтальбор и сотни индейцев, принесших еще дары. Принесенный ими груз был самым большим за все путешествие, а Кинтальбор, специально выбранный жрецами Моктесумы за свое внешнее сходство с Кортесом, преподнес Кортесу эти дары, после того как все индейцы поцеловали землю, а их жрецы окурили испанцев благовониями.

Здесь впервые по отношению к испанцам прозвучало слово «теуле». «Теуле» означало «боги». Глиняные жаровни с курящимися благовониями оказались частью церемонии поклонения богам, исполняемой в теокали, так же как простираание ниц и целование земли. Но Кортес, хотя и воспринимавший все новое с необычайной быстротой, был более заинтересован в сведениях о власти Моктесумы и его военных возможностях, нежели о его языческих верованиях. Если бы он или его индейский «язык», донья Марина, поняли все значение истории со шлемом и все детали поведения посольства Моктесумы, Кортес бы уж постарался сыграть назначенную ему мексикским принцем роль.

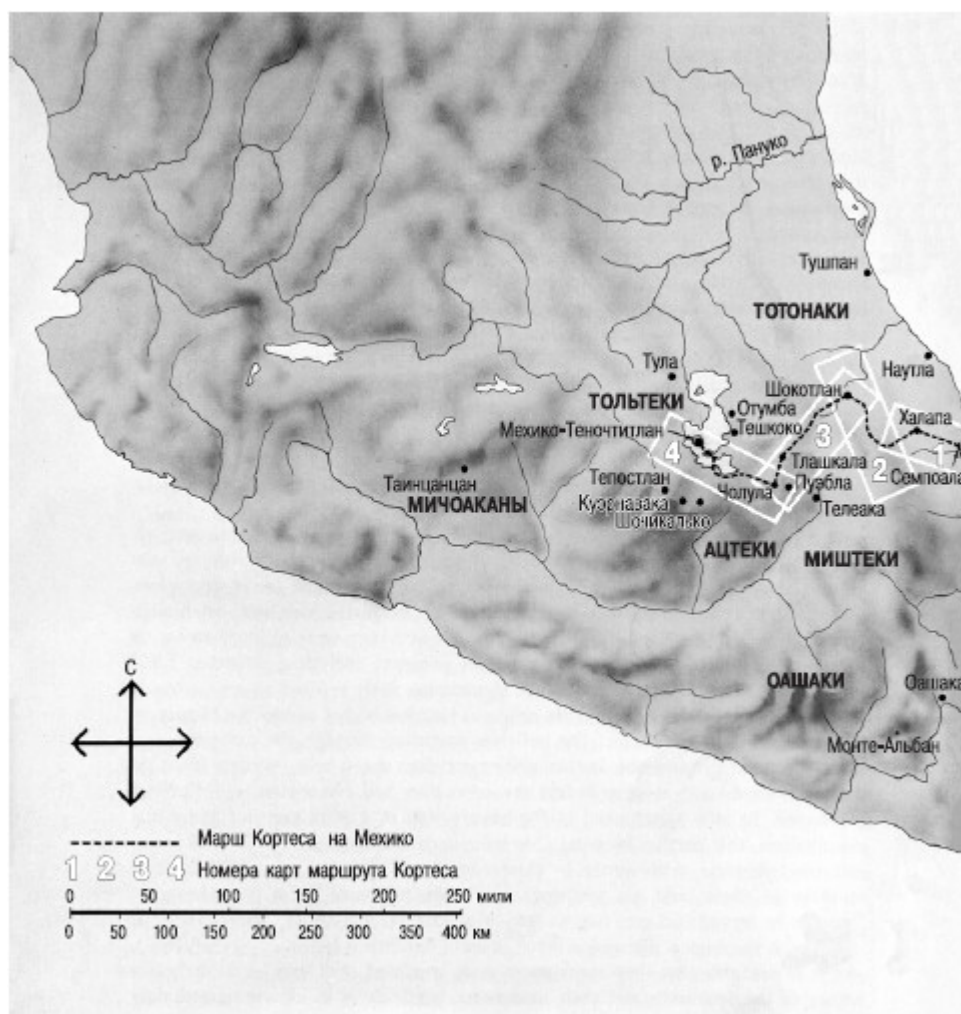
В этот момент, однако, Кортеса больше всего интересовала необычная ценность даров, разложенных перед ним на петатах, или циновках, покрытых хлопчатобумажной тканью. Два предмета сразу же привлекли неотрывное внимание всех испанцев. Золотой диск, изготовленный в форме солнца, «большой, как колесо телеги <...> чудесная вещь, покрытая выгравированными изображениями множества фигур», и другой похожий диск из гравированного серебра, представляющий луну. Солнце и луна, оба диска примерно по десять пядей²⁴ в диаметре, и полный золота шлем стояли, вероятно, более 20 000 золотых песо, но кроме них там было и множество других вещей – двадцать золотых уток, украшения в форме собак, а также пум, ягуаров и обезьян, десять ожерелий, подвески, двенадцать стрел и натянутый лук, а также два стержня, «похожие на судейские посохи по 20 дюймов длиной». Все это было искусно изготовлено из золота. Там были гребни из золота и серебра с султанами из зеленых листьев, веера, фигурки оленей и тридцать нош (тюков, пригодных для переноски на спине одним человеком) тончайшей хлопковой ткани, отделанной и украшенной многоцветными перьями. Фактически это были прощальные дары, ибо на вопрос о своей встрече с Моктесумой Кортес получил ответ, что такая встреча исключена.

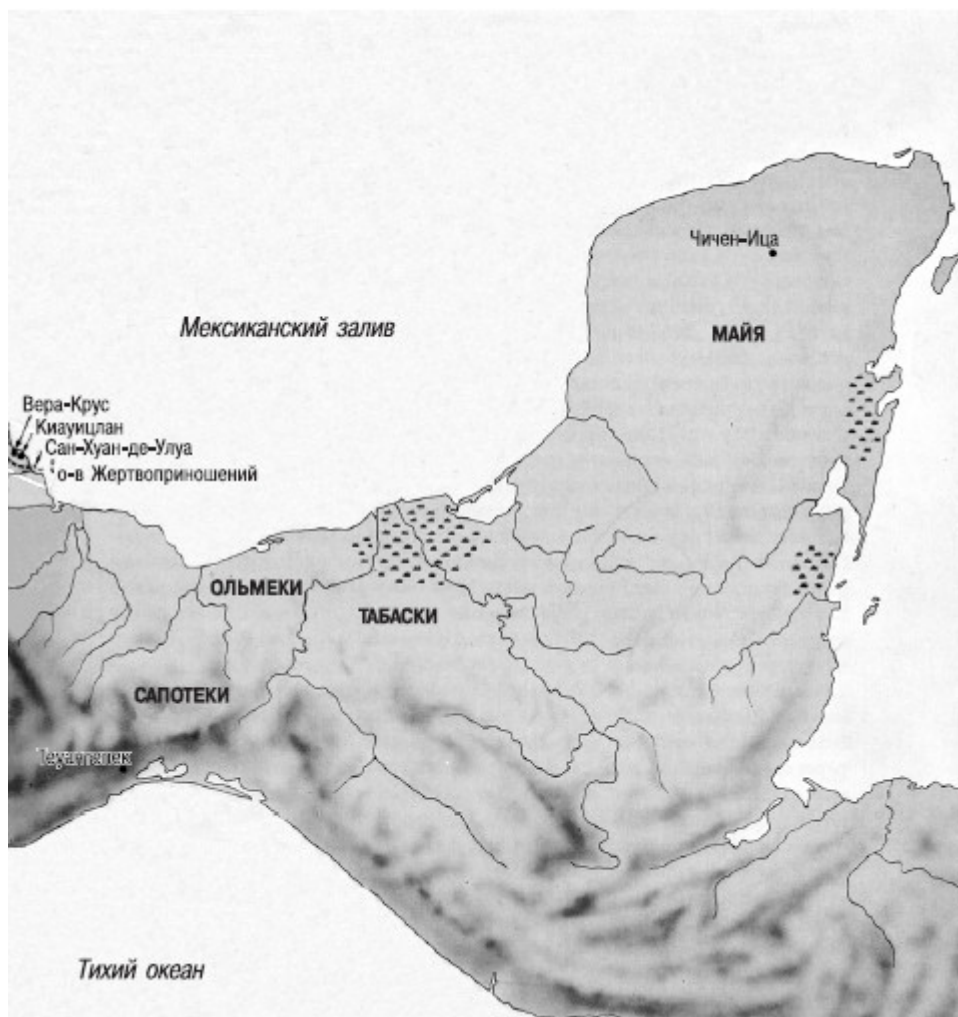
К этому моменту Кортес уже достаточно знал о могуществе Мехико и его союзников, чтобы понять, что у него нет надежды продвинуться в глубь территории Кулуа силой. Кортес чувствовал, что Моктесума чего-то боится, – об этом ясно говорили поведение индейцев и ценность даров. Но он, вероятно, приписывал этот страх кораблям, пушкам и лошадям; во всяком случае, он продолжал настаивать на встрече, поскольку только через дипломатию, через лесть, коварство и угрозы от лица неизвестного могущественного короля Карла мог он надеяться обрести постоянную базу на материке. Губернаторы категорически утверждали, что просьба Кортеса бессмысленна, поскольку Моктесума уже отказался встретиться с ним, однако в конце концов согласились вернуться к своему господину за дальнейшими инструкциями. Они отбыли, увозя различные дары своему королю, в том числе стеклянный флорентийский кубок «с выгравированными на нем деревьями и охотничьими сценами и чудесно позолоченный».

Пока испанцы ожидали результатов этого нового посольства, Кортес направил Франсиско де Монтехо с двумя судами с целью разведать побережье к северу. Монтехо дошел до самого устья реки Пануко, где теперь стоит современный нефтяной порт Тампико, примерно на пятьдесят миль дальше к северу, чем заходил Грихальва. Здесь его суда были остановлены силой встречного течения. Единственной важной информацией, привезенной Монтехо из этой экспедиции, были сведения о городе под названием Киауицтлан, расположенном в тридцати шести милях к северу от Сан-Хуана-де-Улуа. Он описал этот город как укрепленный порт, а поскольку гаванью, способной, по мнению штурмана Аламиноса, предоставить защиту от северных ветров, было устье реки Сан-Хуан, то стоял город, должно быть, примерно там, где сейчас на поляне среди деревьев расположена пыльная бревенчатая деревушка Ла-Антигуа.

²⁴ Пядь – 22,8 см (отличается от русской пяди, равной 17,78 см). (Примеч. перев.)

Путешествие заняло две недели, а возможно, и больше. Тем временем основные силы испанцев, стоявших лагерем в удушающей жаре песчаных дюн, донимаемых москитами, начинали испытывать недостаток пищи. Приходившие для меновой торговли индейцы становились все малочисленнее и вели себя все более испуганно. Хлеб из маниоки, приносимый ими, оказывался кислым и кишел долгоносиками. К моменту возвращения Теудильи из Мехико испанцы вынуждены были собирать на берегу моллюсков в пищу. Теудилья привез еще дары, включая золото на сумму 3000 песо, но и только. Моктесума наотрез отказался встретиться с Кортесом.

Мексика во времена конкисты. Обозначены районы более ранних цивилизаций

За этим последовала одна из тех религиозных интерлюдий, которые делают историю конкистадоров такой причудливой. В лагере зазвонил колокол, призывающий к общей молитве «Ave Maria», и снова индейские губернаторы увидели, как все испанское войско опускается на колени и возносит молитву перед крестом, воздвигнутым ими на вершине одной из дюн. Людям, привыкшим к кровавым церемониям человеческих жертвоприношений и ритуальному каннибализму, подобное умиротворенное, даже униженное поведение испанцев должно было показаться необычайным зрелищем. После этого, в ответ на вопросы индейцев, Кортес снова рассказывал им о Христе и его учении, а затем заявил, что великий император, которому он служит, послал его к индейцам с целью уничтожить их идолов и упразднить их жертвенные традиции. Теологическая дискуссия через переводчика никогда не бывает вразумительной, и, вероятно, индейцы удалились, менее чем когда-либо понимая истинную природу испанцев и их намерений, тем более что сразу же после дискуссии испанские солдаты принялись выменивать у индейцев небольшие золотые предметы.

После этого индейцы совсем перестали приходить в лагерь. Моктесума тоже решил на войну нервов. Испанцы ждали в своем лагере среди песчаных дюн, раздраженные, неуверенные и все более нуждающиеся в пище, ощущая при этом атмосферу растущей враждебности. Жара и чувство опасности неизбежно должны были привести к раздорам среди них, так до конца и не подавленным. Они уже собрали целое состояние из золота и других даров,

больше, чем добыла любая предыдущая экспедиция; и те, кто оставили на Кубе фермы и жен, все настойчивее требовали забрать добычу и возвращаться домой.

Именно в этот момент в лагерь нанесли визит пятеро индейцев из племени тотонаков. Они пришли из города Семпоала. У этих индейцев были большие отверстия в нижней губе и в ушах, куда вставлялись круглые каменные диски и золотые пластинки. Они сказали, что не осмелились войти в лагерь, пока там находились люди из Кулуа, но теперь, когда они ушли, им хочется своими глазами увидеть людей, победивших жителей Табаско и Чампотона. Фактически эти индейцы были шпионами, пытавшимися выяснить потенциальные возможности испанцев как союзников против мешиков. Впервые Кортесу дали понять, что недавно завоеванные прибрежные племена неспокойны под правлением Моктесумы. Он одарил этих индейцев и отослал их с сообщением для касика, обещая в скором времени нанести в Семпоалу визит.

В этот поход Кортес взял с собой большую часть своего воинства, поскольку очень хорошо знал, к чему приводит безделье – корень многих бед и проблем в любом военном лагере. Короткий переход в три лиги²⁵ вывел испанцев из страны дюн, прочь от населенных москитами топей, на плодородную, засаженную маисом равнину, напоминавшую саванну, протянувшуюся на многие мили от побережья, почти совершенно плоскую, но поднимающуюся постепенно к далеким горам. За рекой Сан-Хуан испанцы наткнулись на глинобитно-бревенчатый склад, с множеством отделений, наполненных медом и маисом, а также отделанными перьями и золотом хлопковыми одеждами. Там были и другие дома, пыльное беспорядочное скопление крытых соломой глинобитных хижин, и Кортес велел объявить, что любой человек, пойманный на грабеже, будет казнен. Он всеми силами стремился продемонстрировать этим индейцам свои мирные намерения – ведь они способны были оказать ему поддержку, в которой он отчаянно нуждался.

Там был и храм, о котором Гомара пишет, что он напоминал дом с невысокой, но массивной башней, увенчанной своего рода часовней, вмещавшей несколько больших идолов. Чтобы попасть в эту часовню, нужно было подняться по двадцати ступеням, и там испанцы обнаружили множество смоченных кровью клочков бумаги и каменный блок, на который укладывали предназначенных в жертву людей. Они также увидели кремневые ножи, которыми вскрывали грудь жертвы, чтобы добраться до сердца. Все вокруг было залито кровью. Испанцы посетили еще несколько деревень, в каждой из которых было не более двухсот домов. Дома оказались покинуты, «но полны провизии и крови, как в первой деревне».

Поскольку описания несколько расходятся, вероятно, Кортес и сам был в нерешительности и не знал, что лучше предпринять. Он надеялся набрать дополнительное индейское войско, но обнаружил только покинутые деревни и испытал такое же горькое разочарование, как и от отказа Моктесумы встретиться с ним. Он вернулся в лагерь, намереваясь двинуться на север к Киауицтану и поставить суда в излучине илестых отмелей реки Сан-Хуан, где густо растущие деревья должны были служить абсолютно надежной защитой от любых шквалистых ветров. Его лагерь в этом случае также будет защищен от ветров и удален от туч москитов, кишящих в топях позади дюн.

Однако теперь сторонники Веласкеса стали в открытую оппозицию Кортесу, и их поддерживали все те, кому было что терять на Кубе. Только неимущие, настоящие солдаты удачи, были готовы идти и дальше навстречу неведомому. Большинство из них в составе четырех сотен ходило с Кортесом на север. Похоже, что через наиболее верных капитанов – таких людей, как Пуэртокарреро, братья Альварадо, Олид, Луго, Авила и Эскаланте, – Кортесу удалось внушить солдатской массе собственные аргументы в пользу того, чтобы не остав-

²⁵ Испанская лига в теории равняется $\frac{1}{16}$ градуса широты, то есть около 2,6 мили. Семь лиг обычно рассматривались как дневной переход верхом. (Примеч. авт.)

лять занятый лагерь мыс. Теперь уже солдаты требовали основать настоящее поселение, с алькальдами и регидорами, то есть старшинами, – фактически с настоящим городским советом, который в таком случае будет иметь право избрать собственного капитана и мэра. Таким образом Кортес сманивировал и как будто уступил пожеланиям своих людей. Поселение это – первое в Новой Испании – было названо Вилья-Рика-дела-Вера-Крус (Богатый Город Истинного Креста) из-за богатства здешних земель и того факта, что испанцы высадились на этом отрезке побережья в Страстную пятницу.

Этим несложным маневром Кортес многократно усилил собственную позицию. Вся процедура напоминала образование частной компании, поскольку, как только поселение было надлежащим образом юридически оформлено согласно желанию и воле всех присутствующих, оно превращалось в самостоятельное формирование, обладающее всеми законными правами испанского города – правом избирать людей для управления городом, выпускать приказы, издавать законы и, что самое важное, подчиняться непосредственно испанской короне. Короче говоря, город сразу же начал свое независимое существование, отдельно от экспедиции, направленной Диего Веласкесом, губернатором Кубы. А Кортес, как избранный капитан и главный судья города, получил свои полномочия непосредственно от города, а не в результате своего назначения руководителем экспедиции. Это был умный ход, до которого додуматься мог только человек, имеющий подготовку в юридических и гражданских делах. Теперь он обретал право напрямую, в обход Веласкеса, сноситься с Испанией. Кроме того, его люди решили выделить ему долю в двадцать процентов всего золота, оставшегося после выделения причитающейся королю одной пятой. На этом он настоял сам, ибо власть, не имеющая средств на свое поддержание, похожа на здание без фундамента.

Изменение положения Кортеса незамедлительно отразилось на его действиях. Алькальдами он назначил Пуэртокарреро и друга Веласкеса Монтехо. Остальных приверженцев Веласкеса, которых не удалось привлечь на свою сторону, он приказал схватить и заковать в цепи. Позже он, конечно, освободил их, поскольку люди в кандалах были для него бесполезны. Одновременно он собрал всех недовольных солдат – а их оказалось около сотни – в один отряд и направил его в экспедицию за продовольствием под командованием Педро де Альварадо. Они обнаружили только покинутые деревни и теокали, где еще лежали тела недавно принесенных в жертву мужчин и мальчиков с отрезанными руками и ногами. Стены и алтари были залиты их кровью, а их сердца лежали перед идолами. Альварадо привез из похода провизию, в основном маис; однако тот факт, что все деревни оказались покинутыми в день его прибытия, не оставлял сомнений во враждебности индейцев. Кортес решил поэтому переместить свой лагерь в Киауицтлан, где он надеялся на более дружественное отношение индейцев-тотонаков. Это было важное решение, оно не только определило окончательное положение поселения Вера-Крус, но более того – в городе тотонаков Семпоала, расположенном на его пути вдоль побережья, Кортес обнаружил ключ, который и должен был открыть для него ворота Мехико.

Вид города Семпоала разительно отличался от песчаных дюн, среди которых испанцы жили уже многие недели, «он весь состоял из садов и зелени и хорошо политых фруктовых садов». Это было самое крупное индейское поселение из виденных испанцами за все время путешествия: настоящий город, улицы полны народа, жаждущего увидеть, как они входят в город; стены внутреннего двора крепости, где их разместили, свежесмыслены известью и отполированы до серебристого блеска.

Сейчас Семпоала всего-навсего деревня, ее улицы представляют собой грязные грунтовые дороги, а дома немногим лучше хижин, и главной достопримечательностью являются развалины построек центральной площади города. Полированная штукатурка, блестевшая как серебро, давно рассыпалась в пыль, однако отшлифованные водой камни, взятые из русла реки, хорошо сохранились в облицовке основных зданий. Пирамиды, платформы и

стены раскопаны и частично восстановлены, и, поднявшись на вершину большой пирамиды, возвышающейся над плоской равниной, убегающей к востоку к побережью, а к западу к увенчанной снеговой шапкой громаде Орисабы и туманной линии горного хребта, можно представить, что должны были чувствовать Кортес и его сподвижники. За этими горами лежали самые крупные города ацтеков, а здесь, в Семпоале, им дано было почувствовать мощь и величие ацтекской архитектуры. Даже сегодня, хотя и заросшие наполовину травой, эти сооружения производят необычайно сильное впечатление. К северу располагается большая пирамида, ярусы ее основной части поднимаются к вершине, как террасы, и напоминают ступени громадной каменной лестницы; к востоку – храм необычной архитектуры с колоннами, которые сейчас напоминают ряды торчащих вверх дымоходов, а когда-то поддерживали крышу, предположительно сложенную из пальмовых листьев; а еще дальше к востоку, уже за пределами центральной площади, располагается еще один храм, с высеченными на камне изображениями лиц на фасаде и украшенными фресками стенами внутренних помещений. На некотором расстоянии, уже непосредственно в городе, есть еще более древний, вероятно доацтекский, храм. Ступени на его лицевой стороне как бы взломаны ступенями, обращенными вбок, а тыльная сторона его представляет собой гладкую полукруглую каменную стену, так что с некоторого расстояния храм немного напоминает пиктский брок²⁶. Это место посвящалось служению Кецалькоатлю.

Касик Семпоалы встретился с Кортесом и его капитанами там, где их разместили. Вокруг испанцев кипела жизнь большого индейского города, а над городом, над его деревьями и садами возвышались во всем великолепии общественные и церемониальные здания, их облицовка из гипсовой штукатурки ярко сверкала под лучами жаркого солнца. Влажный воздух побережья навевал сонливость. Сам касик оказался очень дружелюбным и очень толстым человеком, он привел с собой целую свиту индейских вождей с большими золотыми кольцами в губах, в богатых одеждах. Они принесли испанцам букеты роз.

После того как испанцев накормили, толстый касик принес в подарок немного золотых украшений, назвал Кортеса «властителем среди великих властителей» и начал долгую обличительную речь против Моктесумы, подробно описывая его могущество и жестокость: каждый год у семпоальцев забирают сыновей, чтобы принести их в жертву, красивейших из их жен и дочерей насилуют мешикские сборщики налогов, все их золотые украшения реквизируются. Для уха Кортеса все это звучало сладкой музыкой. Он приложил максимум усилий, чтобы раздуть притихшее было пламя бунта – он расписал великое могущество своего императора за морем и объяснил, что прибыл в эту страну, чтобы повергнуть в прах их идолов и прекратить бессмысленные человеческие жертвоприношения.

На следующий день испанцы двинулись маршем обратно, вниз по реке с буйной культурной растительностью по берегам. Они пересекли плоскую саванну, покрытую сухим гравием и песком, и вышли к другой реке, Санта– Марии. Еще через пятнадцать миль – добрый дневной переход – испанцы вышли к месту слияния Санта– Марии с рекой Сан–Хуан. Они заняли индейскую крепость Киауицтлан без боя. Ее обитатели разбежались, и, когда испанцы поднялись на вершину крепости, «на площадь, где стояли их храмы и дома идолов», они не встретили там никого более воинственного, чем пятнадцать жрецов, приветствовавших пришельцев дымом благовоний и объяснивших, что люди напуганы их видом и видом их лошадей. Кортес едва успел расположиться на отдых, как из Семпоалы прибыл в носилках касик. Последовали дальнейшие переговоры; касик, очевидно, обдумывал идею восстания, но постоянно нуждался в доказательствах испанского могущества. Внезапно к ним ворвался посланец с сообщением о прибытии от Моктесумы пятерых сборщи-

²⁶ Брок – доисторическая круглая башня на Шетландских и Оркнейских островах и в Шотландии. (Примеч. перев.)

ков налогов. Эта новость подействовала на нечистую совесть тотонаков и вызвала чистейшую панику.

Красочное описание прибытия сборщиков налогов на главную площадь, данное Берналем Диасом, иллюстрирует надменную уверенность, с которой держались представители Моктесумы. Оказавшись перед лицом всего испанского воинства, которого они никогда не видели, они тем не менее прошли мимо Кортеса и остальных, не произнеся ни слова. Каждый из них был занят тем, что нюхал букет роз, который нес в руках. Они были одеты в набедренные повязки и богато расшитые плащи, их гладко прибранные волосы блестели. Они вели себя с «самоуверенной гордостью», и это было впечатляющее зрелище. Их провели в помещение, спешно украшенное цветами, и после трапезы, включавшей в себя и шоколадный напиток, они послали за касиком и остальными вождями тотонаков и высказали им упрек в том, что они принимают у себя испанцев.

Ситуация предоставляла редкие возможности, чем Кортес не замедлил воспользоваться. Случай дал ему повод возобновить прерванный диалог с Моктесумой. Вожди тотонаков были уже достаточно напуганы. Кортес предложил им следующий выход: арестовать сборщиков налогов и прекратить выплачивать дань Моктесуме. Присутствие испанцев, без сомнения, оказалось решающим фактором, и индейцы немедленно предприняли предложенные Кортесом действия. Сборщики налогов были закованы в ошейники с прикрепленными к ним длинными шестами. Вожди намеревались принести их в жертву богам и тем самым заставить замолчать навек; однако у Кортеса были иные планы. Его целью в этот момент было как можно глубже втянуть прибрежных индейцев в свои дела, чтобы они уже никогда не посмели предать его. Он уже дал указание касику разослать курьеров по всем городам района, включая и города союзников Семпоалы, чтобы распространить весть о происшедшем и объявить, что они более не должны подчиняться Моктесуме. Он настоял на том, чтобы пленникам сохранили жизнь. В эту же ночь он сумел организовать побег двоих из них. Их привели к нему, а он, дав им еды и рассказав, как сильно ему не нравится обращение, которое им пришлось претерпеть от тотонаков, отпустил их. Они должны были поведать Моктесуме о том, как дружески к ним отнесся Кортес, и сообщить ему, что он, Кортес, желает только служить их господину, с которым очень хочет встретиться.

Это был в высшей степени искусный трюк, хладнокровно исполненный. Утром Кортес изобразил ярость при известии о бегстве пленников. Трех оставшихся мешиков заковали в цепи и перевезли, для пушей безопасности, на борт одного из кораблей Кортеса, стоявших теперь на якорях в русле реки. На борту он сразу же освободил их. В то же время он объявил касикам, что теперь они и все их люди должны подчиняться его приказам и объединить с ним силы против Моктесумы. Бедняги зашли уже настолько далеко, что обратный путь для них оказался закрыт, и в присутствии королевского нотариуса они дали клятву верности и стали законными вассалами испанской короны.

Теперь весь район, включавший около двадцати городов, до последнего человека стоял за Кортеса. Чтобы укрепить свое положение, он немедленно начинает работы по строительству поселения, для которого выбирает ровную площадку на берегу реки в полутора милях от Киауицлана. Он сам работал на переноске земли и камней и рытье фундаментов; и, следуя его примеру, его капитаны тоже работали вместе с солдатами. Вера-Крус строился по плану: в нем есть церковь, площадь, арсеналы, башни с часами, барбаканы²⁷ – в общем, это типичный испанский город-крепость, и с помощью индейцев строительство основной его части завершилось очень быстро.

Когда испанцы еще строили Вера-Крус, прибыло посольство из Мехико с дарами – золотом и тканями. Это было важное посольство, в него входили два племянника Мокте-

²⁷ Барбаканы – башни, обороняющие подвесной мост. (Примеч. перев.)

сумы, и для Кортеса оно послужило первым признаком того, что его политика раскола между мешиками и индейцами покоренных ими племен начинает давать желаемый эффект. На обвинение в подстрекательстве к мятежу Кортес высокомерно ответил, что тотонаки теперь являются подданными императора Карла и нельзя ожидать, чтобы они служили двум хозяевам. Он добавил при этом, что сам он и его капитаны теперь направляются с визитом к Моктесуме, чтобы предоставить себя в его распоряжение. В качестве доказательства добрых намерений он представил троих оставшихся сборщиков налогов, сытых и хорошо одетых. После того как Альварадо продемонстрировал испанское искусство верховой езды, посланники отправились обратно в Мехико с освобожденными пленниками и дарами – цветными бусами.

Хотя Кортес и заявил, что направляется с визитом к Моктесуме, на самом деле он был еще далеко не готов к такой опасной экспедиции. Он нуждался в союзниках. Он нуждался также в поддержке своего короля. В добавление ко всему существовала еще и неотложная проблема недовольства в его собственных рядах: семеро солдат уже пытались бежать на украденной лодке.

Узнав, что люди Кулуа атакуют город Сингапасинга, расположенный в двадцати пяти милях, Кортес тут же выступил туда со всем своим войском при поддержке двух тысяч тотонаков. Но семпоальцы солгали. Между Семпоалой и Сингапасингой существовала давняя вражда, и они просто хотели использовать испанцев как ударную силу и всласть пограбить. Кортес был в ярости. Он заставил их вернуть все награбленное и, вызвав таким образом благодарность жителей Сингапасинги, прочел им проповедь об истинной вере и принял у них присягу на верность испанской короне.

На обратном пути один из его солдат был пойман на мародерстве. Кортес велел повесить его в качестве урока для остальных. Он знал, что, если его солдаты будут грабить, он потеряет поддержку индейцев, и это будет означать окончательный крах. Но практически он не мог себе позволить потерять даже одного испанского солдата, поэтому, вероятно, испытал облегчение, когда Альварадо по собственной инициативе перерезал веревку и не дал солдату задохнуться.

Гнев Кортеса, похоже, всерьез беспокоил семпоальцев, и по возвращении в город ему подарили восемь девушек в золотых ошейниках и с золотыми сережками в ушах. Все они были дочерьми вождей и предлагались, по индейскому обычаю, для вынашивания детей капитанов Кортеса и тем самым скрепления союза с ним. Кортесу пришлось разрубить последний узел, связывающий их с Мехико. Он заявил, что, если испанцы примут девушек, они станут кровными братьями индейцам, а это невозможно сделать, пока девушки не станут христианками, а индейцы не прекратят человеческие жертвоприношения и не откажутся от содомского греха. На тот момент в жертву регулярно приносилось до пяти человек в день. Индейцы предлагали сердца жертв идолам и съедали их руки и ноги. Так же обычны в городах были мальчики-проститутки, одетые девочками.

Индейцы в ответ стали вести себя в высшей степени угрожающе, они готовы были защищать своих идолов и свои верования. Однако стоило Кортесу пригрозить уйти и предоставить их гневу Моктесумы, официальное противодействие внезапно куда-то исчезло, и большинство людей апатично стояли и смотрели, как около полусотни испанских солдат швыряли идолов вниз со ступеней храмов. Однако некоторые воины при виде такого осквернения святынь могли бы напасть на испанцев, если бы Кортес не позаботился заранее схватить касика и полдюжины жрецов и угрожать им смертью, если выпущена будет хотя бы одна стрела. Наконец по указанию касика главные жрецы храмов унесли обломки идолов прочь и сожгли их. Описание этих жрецов просто ужасно: «Одни носили черные одеяния, как у каноников, а другие – капюшоны поменьше, как у доминиканцев. Они носили очень длинные волосы, до пояса, а некоторые даже до щиколоток, и волосы эти были настолько

спутаны и вымочены кровью, что их невозможно было бы разделить. Их уши были разрезаны во многих местах в качестве жертвы, и пахли они серой. Но они также пахли и кое-чем похуже – разлагающейся плотью». Эти жрецы не женились, но практиковали содомию.

На следующий день, когда место было полностью очищено и стены побелены, там был воздвигнут алтарь, следить за которым приставлены были четверо жрецов, с вымытыми и подстриженными волосами, в чистых белых одеяниях. Им показали, как изготавливать свечи из местного воска, и приказали держать их все время горящими перед образом Девы Марии и Святым Крестом. Это было, конечно, религиозное представление, и тем не менее оно произвело сильное впечатление, особенно когда отслужили мессу и крестили индейских девушек. Моктесума, находившийся в двух сотнях миль и получавший доклады о происходящем от своих шпионов, возможно, через вторые и третьи руки, должно быть, не понимал, что происходит. Эти теуле со своими пушками, лошадьми и кораблями, вооруженные для битвы и требующие золота, униженно опускаются на колени в пыль перед куском дерева и картинкой с изображением женщины и ребенка <... > это не могло иметь смысла для человека, боги которого пожирали человеческие сердца тысячами.

По отбытии обратно в Вера-Крус испанцы взяли этих восьмерых девушек с собой. Самая красивая из них была названа в крещении Франсиской, и снова Кортес отдал ее своему другу Пуэртокарреро. Ему самому подарили племянницу толстого касика, чрезвычайно безобразную особу; и возможно, в качестве грубой шутки ее окрестили Каталиной. Для мужчины, имевшего стойкую репутацию бабника, Кортес постоянно демонстрировал удивительное отсутствие интереса к индейским девушкам. Конечно, в данный момент его ум занимали совсем другие проблемы. С Кубы пришел корабль Франсиско де Сауседо с десятью солдатами. Что гораздо важнее, у них на борту были жеребец и кобыла. Они также привезли новости: Веласкес утвержден adelantado Кубы и имеет теперь полномочия торговать и основывать поселения.

Кортес и его люди находятся на берегу уже более трех месяцев. Пора двигаться в глубь материка. Но сперва следует послать корабль в Испанию с красочным описанием страны и всего, чего удалось достигнуть, а также с достаточным количеством золота для поддержки своих притязаний. Затем следует уничтожить остальные суда флотилии, и тогда каждый человек окажется обречен на борьбу, без окончательной победы у него не будет шансов спасти свою шкуру. Только такими решительными и необратимыми действиями можно исключить угрозу постепенного разбегания войска или, хуже того, мятежа.

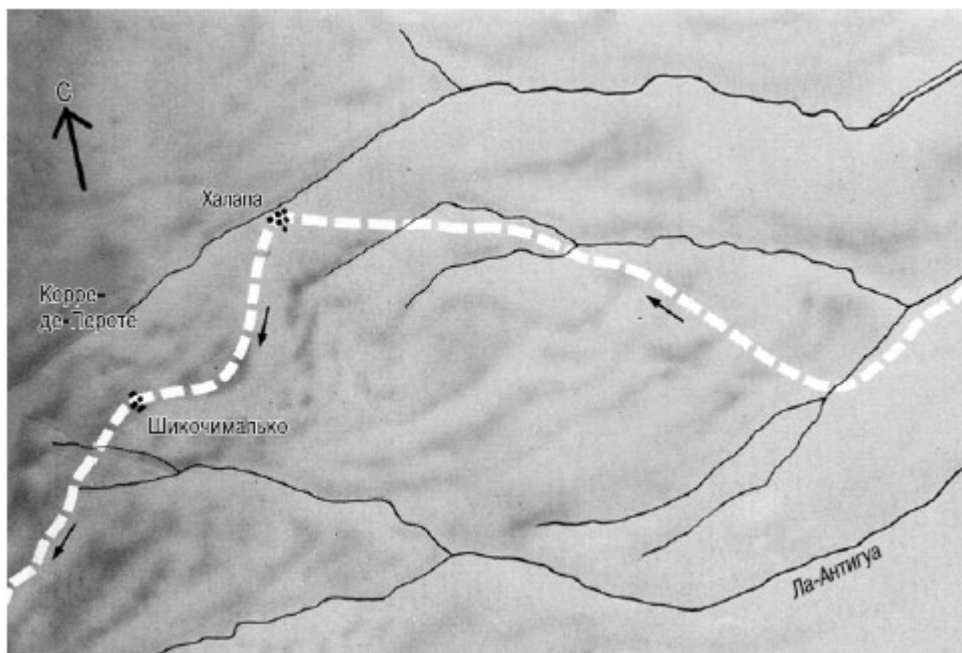
Как обычно, Кортес настолько тщательно подготовил почву, что ему и в этот раз будто бы пришлось сдаться под давлением солдатской массы, а не отдать приказ. Солдаты сами составили послание императору Карлу и изложили в нем все свои достижения. Вместе с письмом должно было отправиться все добытое к тому моменту золото. Каждый испанец в конце концов согласился пожертвовать своей долей добычи ради того, чтобы общая сумма выглядела как можно внушительнее. Они также отправили с письмом четверых индейцев, освобожденных в Семпоале из клеток, где их откармливали для жертвоприношения. В качестве посланников были избраны Пуэртокарреро и Монтехо. Был снаряжен лучший корабль флотилии, отобраны пятнадцать матросов, назначены два штурмана, в том числе Аламинос, знавший Багамские острова и поэтому имевший возможность сразу направить судно к Испании. Солдатское письмо содержало и жалобы на Веласкеса, и обвинения в адрес президента Совета по делам Индий епископа Фонсеки в продажности, а также выражало просьбу утвердить Кортеса на его посту капитан-генерала Новой Испании. Кортес написал и собственное письмо, первое из пяти длинных донесений, направленных им своему королю. Посланники отплыли 26 июля 1519 года с приказом не заходить на Кубу.

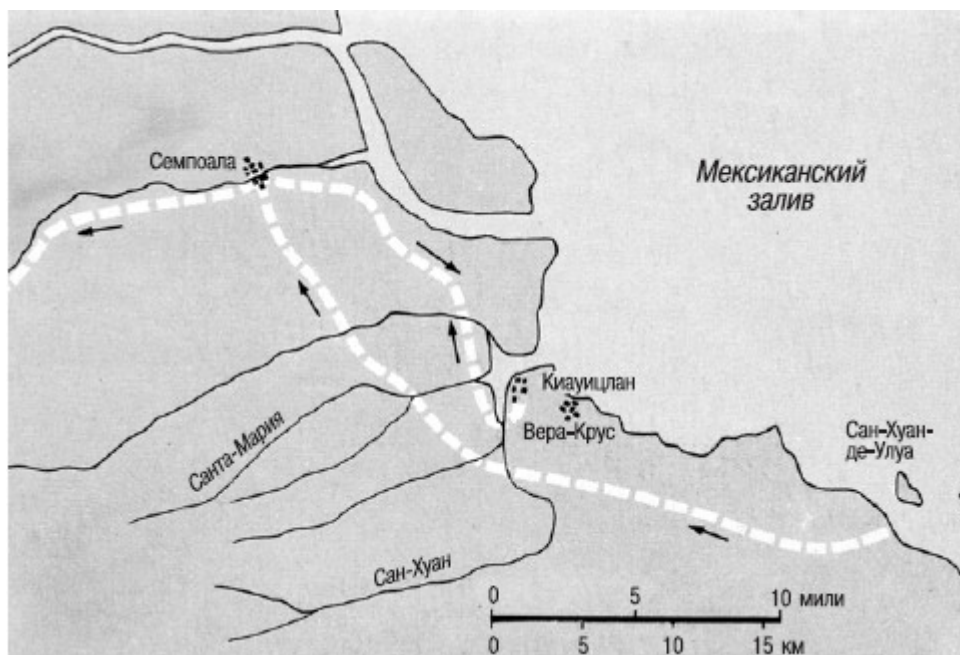
Необходимость уничтожить корабли перед походом на Мехико стала неотвратимой, поскольку произошла еще одна попытка захватить судно и бежать на нем на Кубу. На этот

раз Кортес приговорил двоих лидеров к повешению, штурмана к отсечению ног, а остальных, которые, возможно, все были с Гибралтара, поскольку о них упоминается как о людях со Скалы, к двум сотням плетей. Затем он немедленно отбыл в Семпоалу для окончательного согласования планов со своими индейскими союзниками, и в его отсутствие экзекуция, вероятно, не состоялась. В Семпоале будто бы сами солдаты требовали уничтожения судов, преимущественно на том основании, что освободившиеся матросы должны были усилить войско испанцев почти на сотню. Во всяком случае, приказ был наконец отдан, и Хуан де Эскаланте, назначенный начальником полиции, отправился в Вера-Крус проследить за его выполнением.

План состоял в том, чтобы выгрузить все припасы и оборудование на берег, пробить отверстия в днищах кораблей и затопить их на мелководье. Предполагалось, что это делается потому, что их корпуса прогнили. Это было вполне разумное объяснение, поскольку все знали, что корабельный червь в теплых водах Гольфстрима очень опасен. Однако моряки не лучшие помощники в подобных делах. В общем, задание не было выполнено, затопили только пять кораблей, и Кортесу пришлось прекратить саботаж, отдав непосредственный приказ затопить остальные суда. К этому времени, естественно, выявилась серьезная оппозиция. Но как только дело было сделано, шум быстро улегся, поскольку теперь ни у кого не было иного выхода, кроме как поддерживать своего руководителя и волю большинства.

Кортес воспользовался случаем произнести речь. Он очень хорошо умел убеждать свое воинство, и к концу речи практически все до единого были с ним, а несогласные все равно не имели возможности избежать своей судьбы, которая теперь заключалась в сражениях – сражениях без конца, до смерти или полного завоевания страны.

Путь Кортеса. Карта № 1

После уничтожения судов Вера-Крус приобрел для испанцев еще большее военное значение в качестве базы, в которую можно было бы при необходимости отступить, а также в качестве порта, через который они рано или поздно могли получить подкрепление из Испании. Вероятно, Кортеса во время спешной подготовки экспедиции в глубь материка очень занимал вопрос, какая часть его воинства необходима для обеспечения безопасности базы. Гарнизон должен был пользоваться поддержкой жителей всей прилегающей местности, насчитывавшей пятьдесят городов и деревень, способных выставить порядка пятидесяти тысяч воинов. Вероятно, первоначально Кортес намеревался оставить на базе чисто символический гарнизон. Однако не успел он выступить из Семпоалы, как Хуан де Эскаланте, оставленный командовать Вера-Крусом, прислал сообщение, что вблизи побережья замечено какое-то судно.

Оставив Педро де Альварадо командовать армией, Кортес взял Сандовалю и еще троих всадников и проскакал галопом пятнадцать миль до Вера-Круса. Одной из самых сильных сторон Кортеса как руководителя была его способность встречать возникающие проблемы лицом к лицу, и он всегда делал это лично. Проявленная им в этом случае поспешность и тот факт, что он приказал пятидесяти солдатам следовать за ним как можно быстрее, показывают его озабоченность возможной попыткой Диего Веласкеса высадиться с Кубы. На самом же деле прибывший корабль оказался одним из трех, посланных Франсиско де Гараем, назначенным Диего Колумбом губернатором Ямайки. Кортес узнал об этом от троих захваченных на берегу испанцев. Гарай получил назначение от Фонсеки, и оно давало ему право на губернаторство в любых землях, которые он сможет открыть к северу от реки Сан-Пабло. Его капитан Алонсо Альварес де Пинедо с отрядом в двести семьдесят человек уже строил поселение в двухстах милях к северу, на реке Пануко. Кортес предпринял неудачную попытку захватить судно, но получил только двоих матросов, прыгнувших с лодки и выплывших на берег.

В этот момент Кортес, должно быть, остро ощутил давление происходящих за его спиной событий. Теперь ему следовало опасаться не только Веласкеса, но и Гарая. Для обеспечения безопасности базы теперь стало необходимым оставить в ней значительно больше

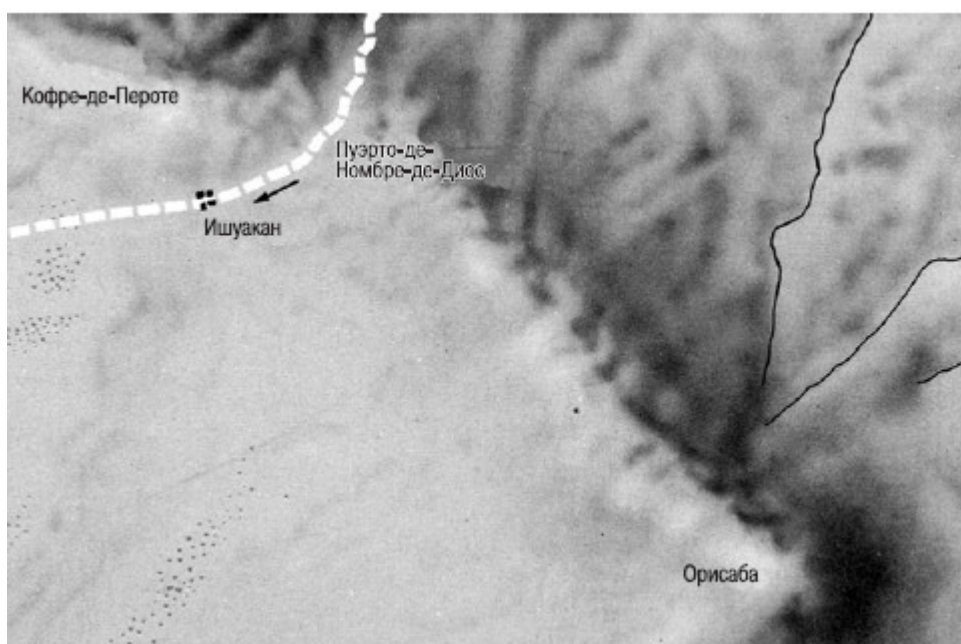
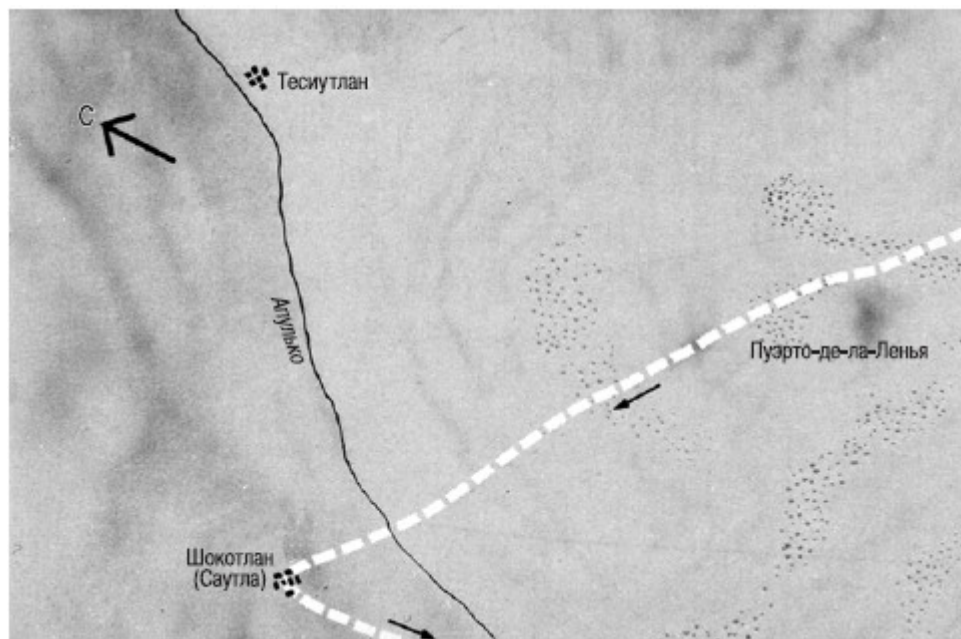
сил, чем он намеревался ранее. В конце концов, включая больных, раненых и пожилых солдат, Кортес оставил для защиты Вера-Круса около полутора сотен людей. Лучшую часть армии он конечно же повел с собой – всего примерно четыре сотни человек – и 16 августа 1519 года вышел из Семпоалы. Его сопровождали от сорока до ста военных вождей тотонаков и две сотни тамеме – носильщиков, тащивших на себе артиллерию и припасы. Каждый индеец оказался способен проходить пятнадцать миль в день с пятидесятифунтовым тюком за спиной. У Кортеса было пятнадцать лошадей и шесть пушек. Его солдаты были одеты в подбитые хлопком доспехи и башмаки из пеньковой веревки и несли щиты. У некоторых были аркебузы, мушкеты или арбалеты, но в основном вооружение испанцев составляли копья и мечи. Только капитаны и всадники были облачены в стальные доспехи. Тем путем, которым следовало войско Кортеса, до столицы Моктесумы нужно было пройти почти две-сти пятьдесят миль. На их пути вставали три огромных горных гряды, две из которых могли похвастаться вулканическими пиками высотой более 14 000 футов, а третья – вулканами Попокатепетль и Истаксиуатль, оба высотой более 17 000 футов. Кроме того, вся эта территория была им совершенно неизвестна, а значительная часть ее, по всей видимости, враждебна. Мало кому из этих людей доводилось предпринимать подобный тяжелейший марш с такими, казалось, ничтожными шансами на успех. Каковы бы ни были их мотивы, каково бы ни было их поведение, это были храбрые люди; и сам Кортес – человек, никогда не колебавшийся, никогда не отчаивавшийся даже в совершенно безнадежных внешне обстоятельствах, должен стоять в ряду величайших военных вождей в истории человечества.

Глава 2

Марш на Мехико

Первые три дня пути на Мехико-Теночтитлан армия Кортеса продвигалась по дружественной территории; тем не менее впереди основных сил постоянно двигались разведчики, а в авангарде – отборный отряд. Дорога пока была легкой, в основном ровной; окружающая равнина постепенно поднималась от побережья к горам, расположенным в пятидесяти милях. Пищи было вдоволь, поскольку на здешней земле при наличии воды урожай вызревал вне зависимости от времени года, и везде – и на равнине, и в горах – водилось множество оленей. Стояла середина лета, и на tierra caliente – в прибрежном поясе – было жарко и очень влажно. Непосредственно перед их глазами маячила округлая громада Кофре-де-Пероте, увенчанная обнаженной массивной скалой, квадратной, напоминающей по виду крепость. Горы, смутно видимые впереди, сквозь дымку влажных испарений, представляли собой первое серьезное препятствие на пути армии, но, по крайней мере, они обещали некоторое смягчение невыносимой жары. Местность по маршруту продвижения испанцев оказалась довольно плотно населенной, деревни напоминали оазисы культурного земледелия среди сухой равнины. Однако по мере приближения к предгорьям, где проливаются дождями насыщенные влагой тучи, саванна постепенно переходит в густые джунгли, полные тропических цветов, птиц с яркими хохолками и огромных бабочек.

К концу второго дня, шагая уже сквозь дождь и грязь, армия добралась до Халапы, довольно большого города, раскинувшегося на горном склоне. Испанцы наконец-то, на высоте более 4500 футов, достигли tierra templada, где воздух уже был относительно прохладным. Но впереди теперь лежала первая из великих горных цепей, да и находилась армия уже на самом краю дружественной территории тотонаков. Ни Кортес, ни Берналь Диас на этом этапе не упоминают о поддержке индейского вспомогательного войска, однако сопровождавшие их вожди конечно же не стали бы путешествовать в одиночку, и поскольку на побережье Кортес проводил политику консолидации, можно предположить, что его маленькую армию поддерживали местные силы. Нам неизвестно, как много этих индейских воинов двинулось за Халапу, навстречу горным кручам и опасностям на потенциально враждебной территории.

Путь Кортеса. Карта № 2

На четвертый день начался горный марш; пришлось карабкаться по крутому склону к укрепленному городу, который Берналь Диас называет Сокочима, а Гомара – Шикочималько. К городу вело всего две тропы, вырубленные, подобно лестницам, в скалах, и их легко можно было бы защитить. Однако касик города имел недвусмысленный приказ Моктесумы пропустить испанцев. На этой значительной высоте возделанные поля золотого маиса были уже заметно меньше, а сами растения более низкорослые, в садах на решетчатых шпалерах выращивались экзотические плоды. Далеко внизу изумрудной зеленью мерцали затянутые дымкой долины, заросшие травой и тропической растительностью, с пятнышками ферм и деревень; над ними же теперь не было ничего, кроме темной зелени сосен и кедров.

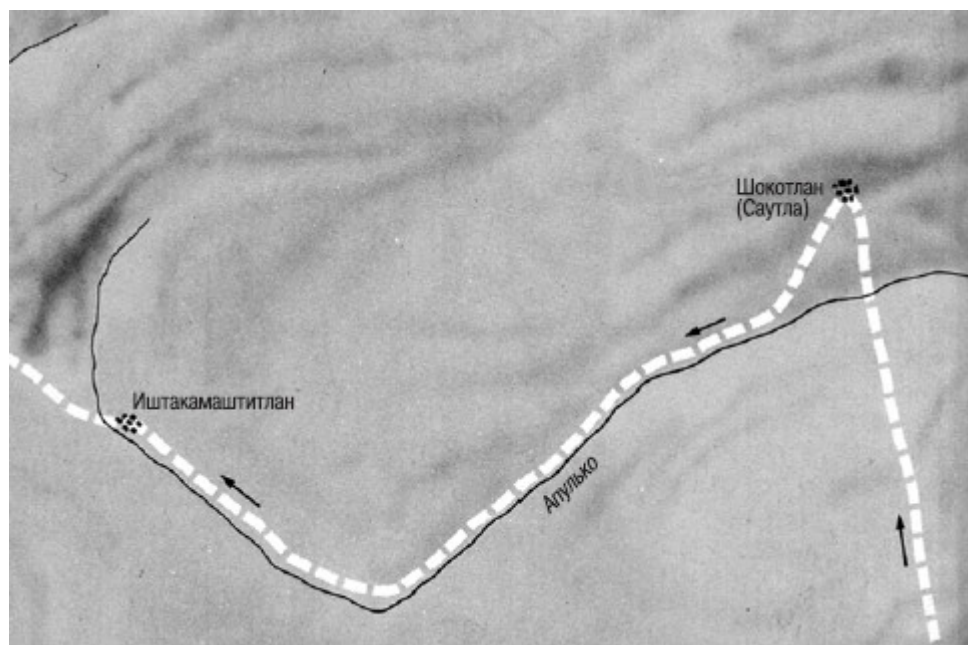
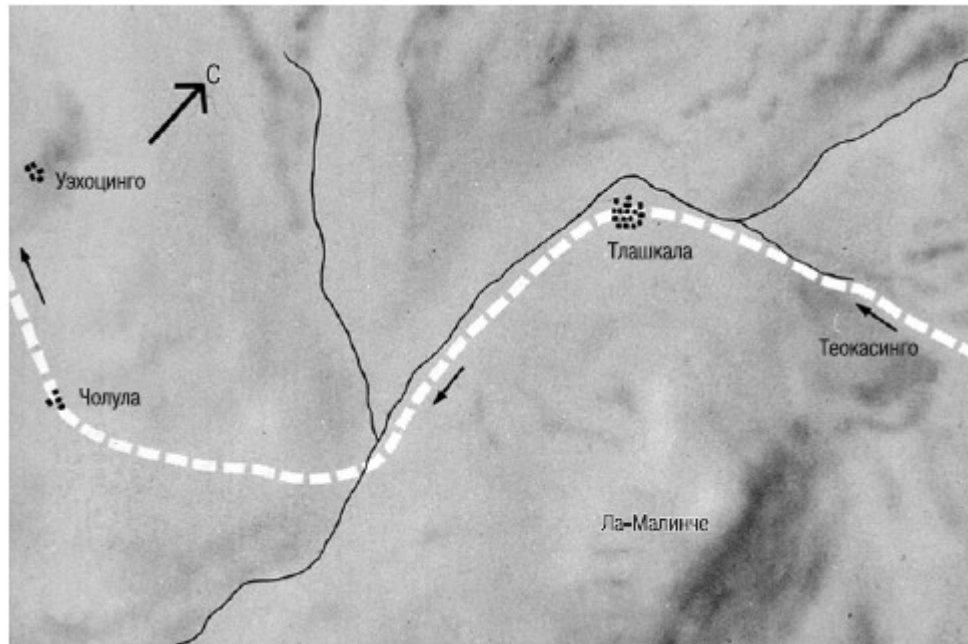
Теперь армия взбиралась по склонам самого Кофре-де-Пероте, и весь массив Сьерра-Мадре убегал к югу, чтобы найти завершение в снежном пике Орисаба. Детали похода на этом этапе в разных описаниях несколько противоречат друг другу, как в том, что касается названий индейских городов и расстояний между ними, так даже и в том, что касается порядка происходивших событий. Кортес в своем втором письме императору Карлу, датированном 30 октября 1520 года и, следовательно, написанном не позже чем через год после описываемых событий, рассказывает, что они встали лагерем на ночь в проходе «таком скалистом и на такой высоте, что в Испании нет столь трудных для преодоления». В тот момент они находились на высоте около 10 000 футов в мрачной стране, где почва представляет собой лаву, извергнутую в давние времена потухшим теперь вулканом. Спускаясь из прохода, названного ими Пуэрто-де-Номбре-де-Диос, испанцы обнаружили множество ферм, разбросанных вокруг укрепленного горного города, который, согласно Гомаре, назывался Ишуакан. Жилища этой печальной земли, вероятно, мало изменились с течением столетий; унылые лачуги – серые глинобитные стены, серые деревянные заборы, крыши из серой кедровой дранки – и все вместе сливается с поверхностью земли и вызывает чувство предельной тоски. После этого в течение трех дней они шли «через пустынную землю, непригодную для обитания из-за своей бесплодности, отсутствия воды и сильного холода». Гомара пишет, что это была пустынная страна, «необитаемая и солончаковая», с соленой водой. К западу от Кофре-де-Пероте простирается сорокамильная полоса пустыни, на южной оконечности которой разбросаны солончаковые пустоши и солоноватые озера. Для армии, уже страдающей от недостатка пищи и воды, такая местность должна была представлять серьезное препятствие. Даже сейчас эта местность необитаема – плоская песчаная равнина с заплатками низкорослого маиса и напоминающей пирамиду горой, торчащей в самом центре. Когда эту землю увидели испанцы, на ней не было маиса, песчаный поверхностный слой глинистой почвы был прожарен насквозь, до состояния пудры, как сейчас, а ветер то и дело порождал «песчаных дьяволов»²⁸. Тогда у испанцев был выбор – пересечь пустыню или повернуть на север, обратно в холмы, под самые кручи, прорезанные узкими проходами, в конце которых можно разглядеть далекие проблески прибрежных равнин. Гомара упоминает не только соленость местной воды, но и песчаные бури. Можно сделать вывод, что Кортес выбрал путь через пустыню – достаточно разумное решение, если учесть, что северный путь к Тесиутлану означал бы долгий обход по холмам, тогда как впереди местность была совершенно ровной и обещала легкое продвижение, кроме того, на горизонте можно было рассмотреть линию заросших деревьями холмов. Даже пустыня здесь лежит на высоте около 8000 футов, и ночью сильно холодало, и все это сильно контрастировало со стоявшей на побережье жарой.

Спускаясь в долину из прохода, испанцы оказались захвачены одним из нередких в этих местах жестоких штормов, вызываемых подъемом влажных атмосферных масс побережья при столкновении с прохладным горным барьером. Кортес описывает это явление как «вихрь града и дождя». Всю ночь испанцы дрожали, лежа на голых камнях, не имея другой защиты от холода, кроме своих хлопковых доспехов. «Я думал, многие должны были умереть, – продолжает Кортес, – и некоторые индейцы с Кубы, одетые весьма скудно, действительно не выжили».

Преодолев полосу пустыни, войско достигло невысоких холмов, к которым продвигалось весь день. Здесь, в проходе между холмами, испанцы обнаружили маленькую башню с идолами, «похожую на придорожную часовню», обложенную вокруг аккуратно уложенными штабелями дров. Кортес пишет, что дров было «тысяча повозок», и называет это место Пуэрто-дела-Аенья. Примерно в двух милях за проходом «земля снова стала бедной и бес-

²⁸ «Песчаные дьяволы» ныне. (Примеч. перев.).

плодной». Кортес описывает и населяющих эту местность людей как очень бедных. Однако испанцы приближались уже к реке Апулько и вскоре достигли большого города, где каменные, беленные известью дома так сверкали на солнце, что напомнили им Южную Испанию. Берналь Диас пишет, что они назвали город Кастильбланко, а его индейское название звучало как Шокотлан. В наши дни он называется Саутла. Фрей Бартоломе, прилагавший все усилия к распространению веры в городах и деревнях индейцев-тотонаков, не позволил даже воздвигнуть здесь крест, поскольку вокруг видны были свидетельства многочисленных жертвоприношений. В городе было тринадцать теокали, около каждого из них возвышалась гора черепов, и Берналь Диас оценивает их общее количество более чем в сто тысяч.

Путь Кортеса. Карта № 3

Когда Кортес заговорил об императоре, которому служит, верховный касик выразил изумление: «Неужели есть еще кто-то, кто не является рабом или вассалом Моктесумы?» Он был разговорчив, от него Кортес много узнал о Мехико-Теночтитлане: столица ацтеков построена на огромном озере, дома там устроены таким образом, чтобы их можно было превратить в крепости, все дороги в город охраняются дамбами и подъемными мостами, и Моктесума, владыка мира, приносит в жертву по двадцать тысяч мужчин в год; у него тридцать тысяч вассальных вождей, каждый из которых способен выставить сто тысяч воинов. Даже учитывая вероятные преувеличения, перспектива выглядела ужасающе. Единственной вдохновляющей новостью оказалось присутствие в столице огромных запасов золота и серебра.

В чем Кортес теперь особенно нуждался, так это в союзниках. Семпоальцы утверждали, что племя тлашкаланцев, чья территория лежит впереди, – их друзья и враги Моктесумы, поэтому Кортес послал вперед четверых индейцев для переговоров. Здесь Берналь Диас, очевидно, путает Халасинго, город, оставшийся в двадцати милях позади среди лежащих восточнее холмов, и Иштакамаштитлан. Единственное возможное объяснение: Кортес пытается обезопасить себя от предательства и в то же время обеспечить своих людей лучшими квартирами, разместив часть своих сил в близлежащих городах, – только об Олинтетле сообщается, что у него двадцать тысяч вассалов, что позволяет предположить в этом районе значительное население. Кортес и сам четыре или пять дней прожил в Шокотлане, а затем перебрался вверх по течению в Иштакамаштитлан. Здешний касик – один из двоих уже нанесших Кортесу визит и преподнесших дары: «несколько золотых ожерелий малого веса или ценности и семь или восемь рабов». Он благоразумно воздерживается от доведения до сведения своего императора того факта, что рабами этими были на самом деле девушки.

Главная крепость Иштакамаштитлана «была воздвигнута на высоком гребне», и дома для пяти тысяч человек были окружены «стеной, барбаканами и рвом». Вдоль долины на три или четыре лиги рассыпалось множество зависимых поселений; они располагались так тесно, что сформировали своеобразный «мегаполис», вытянувшийся вдоль реки. Здесь Кортес остановился еще на три дня, ожидая возвращения своих послов от индейцев Тлашкалы. Ему вновь нужно было решать, какой путь выбрать. Их было два. Простейший маршрут пролегает по краю пустыни, которую испанцы уже пересекли, мимо топей и озер, которые они видели с лежащих позади холмов, – длинная петля к югу, к городу жрецов Чолула. Касик, действуя, вероятно, по приказу Моктесумы, предложил проводить испанцев этим путем. Семпоальцы, однако, настаивали на том, что это ловушка и что в результате и испанцы, и сами они будут убиты и съедены, так как Чолула лежит по крайней мере в двадцати милях к югу от Тлашкалы, а идти придется все время по территории кулуа.

Это был трудный выбор. Кортес уже далеко отошел от своей базы. Он не доверял индейцам и, безусловно, не доверял Моктесуме. Он до сих пор не получил ответа из Тлашкалы, но поскольку эти индейцы были в постоянной вражде с кулуа, они казались меньшим из двух зол; поэтому Кортес отверг более легкий путь и двинулся вверх по долине к холмам. На выходе из долины им встретила стена, обозначающая границу владений тлашкаланцев. Кортес пишет, что она была «из грубого камня, примерно в полтора человеческих роста и пересекала всю долину от одного гребня до другого; толщина ее составляла примерно двадцать футов, и вдоль всей стены проходил парапет шириной примерно в полтора фута, с которого можно было сражаться. Более того, проход в ней был шириной в десять шагов, примерно тридцать ярдов шел в форме двойной арки и напоминал рavelин, так как проход этот не шел прямо, а поворачивал в обратном направлении». И снова местные индейцы и семпоальские союзники Кортеса начали спорить о преимуществах и недостатках вступления на территорию врагов Моктесумы. Вопрос окончательно решился, когда армия миновала стену и вышла к высшей точке прохода. Четырьмя лигами дальше два всадника-развед-

чика наткнулись на отряд из пятнадцати воинов в головных уборах из перьев. Эти индейцы были дозорными и немедленно отступили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.